

Б И Б Л И О Т Е К А

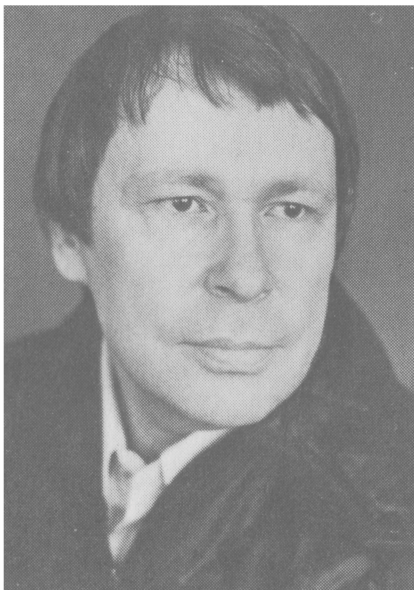
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 41

1988

Николай БЫКОВ

**МОЙ ПОЗЫВНОЙ—
АРЗАМАС**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 41

Николай БЫКОВ

МОЙ ПОЗЫВНОЙ — АРЗАМАС

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1988

Николай БЫКОВ

Николай Андреевич Быков родился в 1930 году в Москве. После окончания Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева работал корреспондентом «Комсомольской правды». С ноября 1960 года — корреспондент «Огонька», на страницах которого опубликовал более ста очерков, в основном о людях и проблемах села. За серию «Валдайские родники» Николаю Быкову присуждена премия Союза журналистов СССР за 1976 год. В «Библиотеке «Огонек» вышли следующие книжки Н. Быкова: «Поздняя сирень», «Против неба — на земле», «Черный аист», «Это произошло в Талсах».

НЕПРЕМЕННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Москва, апрель 1988 года, Большой Кремлевский дворец. Последний день работы очередной сессии Верховного Совета РСФСР. Председательствующий сообщил, что все, кто хотел выступить, выступили, и предложил прекратить прения. И вдруг в зале поднялся человек: «Прошу слова!» Депутат решительно пошел к трибуне. В зале понятное оживление: такого еще не бывало. Председательствующий пытался остановить шествие незапланированного оратора: «Мы подвели черту, товарищ...» Но человек уже с трибуны обратился к залу: «Даете ли вы мне слово?» Зал слово дал. Человек заговорил о наболевшем, о наказе своих избирателей, о том, что нельзя так заорганизовывать работу сессии и закон принимать в таком виде, как это изложено в проекте. Свои поправки двадцать шестой — внеплановой — оратор сформулировал ясно и непреклонно. Говорил он недолго, без бумажки, а стало быть, и без предварительного одобрения, но регламент практически не нарушил. И все-таки за эти считанные минуты депутата трижды прерывал председательствующий:

— Товарищ Вагин!..

— Товарищ Вагин, обсуждение закончено!..

— Товарищ Вагин!..

Вот как было в тот весенний день 1988 года в Кремле.

— А кто председательствовал? — спросил я вечером самого Вагина.

— Грибачев Николай Матвеевич.

С председателем колхоза имени Ленина Горьковской области мы разговаривали у него в номере в гостинице «Россия». Он еще не остыл, пытался крупно ходить по номеру, в котором не повернуться, кричал...

— Озорник вы, Михаил Григорьевич, отчаянный озорник... Такое ЧП на сессии Верховного Совета!.. А в общем-то никакой сенсации. Просто сложилась в жизни ситуация, знакомая по фильму Глеба Панфилова. Помните, финальный эпизод? Героиня Чуриковой решила нарушить раз и навсегда введенный порядок, и во весь экран появляется ее записка в президиум сессии: «Прошу слова». Кстати, дело было в том же зале Кремля.

— Женщина решилась, а мне сам бог велел, вернее, мои избиратели. Я так и объяснил: мол, наши колхозники досадают — перестройку объявили, а на местах спячка, всякой инициативе окорот. Ты — депутат, вот поезжай в Москву и скажи там с трибуны!.. Я просил слова — не дали... А от зала, когда сам взял слово, от моих коллег депутатов была бурная поддержка, шквал аплодисментов.

Возмущенный звонок председателя трезвонил так, что в ушах больно! Только мой характер, фронтовая выдержка помогли говорить по существу проблем. Мне было не до окриков. Да и время на дворе другое, а Грибачев, по всему видно, не сориентировался. Привычка — вторая натура.

— Урок демократии...

— Демократию я понимаю как широкую возможность проявить себя с четких гражданских позиций. А тех, кто вольно или невольно притормаживает перестройку, отступление от старого стереотипа мышления, от устоявшейся регламентации мыслей и чувств пугает. Как бы обезоруживает, лишает былой власти. Не хватает культуры многим руководителям. Да вот в четвертом номере «Нового мира» академик Моисеев отлично написал: «Одна из наших больших бед — низкая общая культура руководящего звена. Чего греха таить, многим недостает и профессионализма, конкретных знаний и навыков, присущих мастеру своего дела... Нам нужны люди, способные видеть себя со стороны, свое место в нашем быстро меняющемся мире... И далеко не всегда представители управленческой элиты этим обладают». Отлично сказано, подписуюсь под каждым словом! Некомпетентность, спесь и социальная слепота — беда прямо. А ты их слушайся...

— «Кто-то, сильный и властный, опасается нашей самостоятельности, поскольку тогда мы сами становимся сильными и властными в пределах своей хозяйственной территории. Необходимо ли это обществу, государству? Да, позарез необходимо. Следовательно, не общество и не государство ведут с нами борьбу за власть. Тогда кто же? Посмотрите, где вязнут, обесцениваются решения, принятые на съезде партии и последующих Пленумах ЦК, там и обнаружится ответ — кто же?».

Узнаете, Михаил Григорьевич? Это ваши слова, я их взял из того же апрельского номера «Нового мира».

— Не отрекаюсь, как говорится, ни от единой буквы. Действительно, испытывал недоумение накануне нашего съезда колхозников. Казалось, все так ждут перемены, перестройки... Но чувствую, что не все ждут. А время уходит, сами считайте: весна восемнадцатого, еще весна, еще, и вот уже на дворе четвертая весна, а нас, селян, пока кормят обещаниями: мол, будет вам и белка, будет и свисток... Реальность такова, что антиперестройщикам трудно выбраться из тупика старого мышления, а районщики, наследующие модель управления сельским хозяйством, отлаженную в давно прошедшем времени, не сдают своих позиций. И я их понимаю: если они выпустят бразды мелочной, а иногда и принципиальной опеки над колхозами и совхозами, то окажутся не у дел, точнее, не у стола с обедом и телефоном. Наша самостоятельность обезоружит любителей водить рукой: туда, мол, гони трактор, сюда законный комбайн, там возводи, сям урежь заработанное пахарем... Ситуация известная, много раз описанная.

— Михаил Григорьевич, долг платежом красен! Укажите, какое место в статье Николая Шмелева вы бы сами при случае процитировали?

— Есть такое место, и не одно... Тревожная статья, хотя тревоги, конечно, не новые. Да вот, пожалуй, главное в этих тревогах. Цитирую: «Райкомы,

райисполкомы, РАПО заняты сегодня преимущественно не своим делом. На практике все это инструменты принудительного труда, средство, позволяющее административным путем хоть как-то компенсировать отсутствие в деревне нормальных, здоровых экономических отношений, не подавляющих, а стимулирующих человеческий фактор, человеческую активность. По логике вещей, по логике «хозрасчетного социализма» райкомы должны быть лишены хозяйственных функций (и как можно скорее), райисполкомы возвращены к тем функциям, которые присущи всяким нормальным органам местного самоуправления, а РАПО должны быть превращены в разнообразные и полностью хозрасчетные производственные, закупочные и снабженческие объединения...».

— Целая программа!.. По-моему, ее необходимо было обсудить пораньше.

— Как-то я выступил на эту тему со страниц «Правды». Наболело. Как говорится, не мог молчать... Интересно, как эта моя статья появилась! В ЦК КПСС состоялось совещание, среди приглашенных был и я, более того, я подготовился выступить. Но время шло. Говорили в охотку, и по всему было видно, что мне не повезло — совещание затянулось. Однако слово дали. Но человек из аппарата попросил сказать по-быстрому и закругляться, он даже часть моего текста перекрестил карандашом, ну и главное-то пошло на выброс. Подошел я к трибуне и предупредил, что задержу внимание присутствующих, но выскажусь до конца. Михаил Сергеевич Горбачев не возразил, и я все, что наметил, сказал. Главный мой тезис как раз и был ленинский: не смеет командовать! Не мешайте, коли колхозники сами доверили нам! И еще замолвил слово за тех, кого замучили подзрениями, ревизиями, кого следственные органы, как того «тринадцатого председателя» в театре имени Вахтангова, обвиняют и посегодня в нарушении — вольном или невольном — сотен, а то и тысяч инструкций. Так и сказал: прекратите преследование честных председателей колхозов! Выпустите тех, кто за решеткой не потому, что воровал, а только потому, что не ждал и не ждет разрешения на любое проявление инициативы и социалистической предприимчивости! Все поддержали. И Михаил Сергеевич. Мое выступление, хоть и не полностью, появилось в «Правде». А недавно, в день моего шестидесятилетия, я получил около шестистот поздравлений, так вот среди них очень много — от людей мне незнакомых, от коллег, отпущенных на свободу! И от лиц, чьи уголовные дела следственные органы закрыли, ибо очевидно же бескорыстие тех, кто строит, покупает, продает вопреки устаревшим инструкциям. И вопреки надзору со стороны органов Минфина, которым совершенно плевать на процесс перестройки в хозяйственной деятельности колхозов.

— Я вас понимаю, Михаил Григорьевич. Ситуация и впрямь не помогает работать давно декларируемым трем «С» — самостоятельности, самоуправлению, самофинансированию. Не позволяют колхозу, правлению обегнуться, сделать дело с выгодой для себя, то есть для села. Думаю, уж сегодня даже горожанам ясно, что беда исходит от тех, кто сам живет за счет аппарата администрирования. По существу, безраздельная власть райоников и их областных повелителей, которую они с первых дней сплошной коллективизации обрели над жизнью деревни во всех ее проявлениях. Как им противостоять? Что противопоставить?

— Противопоставить одно — Закон о колхозах. Пусть это будет Закон о кооперации в СССР (беседа состоялась до принятия этого Закона. — Н. Б.). Колхозник должен снова стать крестьянином. А противостоять укоренившемуся насилию со стороны районников могут только раскрепощенные селяне, кто не потерял совесть, кто опирается на людей, единомышленников, то есть на стойко демократические отношения — и производственные, и личные. Кооперация не наше открытие. Только что Василий Белов напомнил, что до 1917 года в России было не менее шестидесяти трех тысяч кооперативов, а в них двадцать четыре миллиона паищиков! Народ имел в кооперативах свой интерес. После нэпа тем более — кооперация расцветала...

Я лично в своей деятельности всегда придерживался золотого правила: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Служение народу требует осознания и личного мужества. Инфаркты мои грянули раньше, чем такая правительственная награда, как звание Героя Социалистического Труда. Так вот, необходимо стоять крепко за интересы народа, односельчан. Нужно идти на самопожертвование, на риск.

* * *

Такой вот был разговор с удивительным человеком, нижегородцем: о земле, о способности немногих ради нее, ради ее спасения идти на жертвы, на риск нажитым благополучием. Я пошел в редакцию, чтобы внести столь существенную правку в полосы.

Быстротечно время. Не раз оглядывался на собственные очерки, опубликованные год, два, а то и пять лет назад... Упрямое сокодвижение. Собираю давно и недавно написанное в одну обойму, в один сноп, голос к голосу — почему? Написано, да не отболело. Горько, да и вправду не устаревает написанное позавчера. Взять выступления на XIX Всесоюзной конференции КПСС, — опять же многие говорили о нем, о хлебе насущном, об аграрной политике, о Продовольственной программе. Такова реальность. «Ел бы богат деньги, кабы не кормил его убогий хлеб-бом!» О нуждах тех, кто кормит, речь.

Что ни день газеты и журналы сообщают о новизне, и прежде всего в мышлении, новом историческом прочтении старых, лежалых втуне материалов, нам, современникам, дотоле неизвестных. Вот и Василий Белов в свежей июньской книжке «Нового мира» заметил: «По одним выпискам из газет можно выработать более или менее объективное представление об истории нашего сельского хозяйства. К сожалению, история эта выглядит, как одна сплошная полоса экспериментирования».

Не по своей воле жили методом проб, ошибок и преступлений. О многом говорит и такое сообщение: 16 июля 1987 года военная коллегия Верховного суда рассмотрела протест Генерального прокурора СССР по делу 15 граждан, осужденных в 30-х годах, и отменила приговоры, вынесенные им в 1931-м, 1932-м и 1935 годах... «Дело» так называ-

емой крестьянской партии — лопнул еще один кровавый нарыв. А я — да только ли я — думаю: стало быть, была, была альтернатива сталинской коллективизации. Но жизнь отечественного поля была обречена.

Возвращаюсь в наши дни. Цитирую директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР О. Богомолова: «Жизнь показала, что очень важно раскрепостить сельскохозяйственного производителя от бюрократического административного вмешательства, которое, к сожалению, у нас сильно. Даже после того, как принято постановление, все равно есть тенденция его исказить, о г р а н и ч и т ь п р а в а» (разрядка моя. — Н. Б.). Да что же это такое? Когда конец войне партократии с мужиком? Или ни о чем не говорит мысль, высказанная Ф. Энгельсом:

«...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс ббльшего никогда не утверждали».

Воспроизводство действительной жизни! — вот как волнующее меня звучит по Энгельсу.

Как вы думаете: сколько времени понадобилось природе, чтобы создать пахотный слой земли? Триста, пятьсот, а то и тысячу лет уходили на каждые три — пять сантиметров почвы. А вот чтобы лишиться их, достаточно нескольких часов ливня или пыльной бури. Или — мгновения ядерной потравы. Или — считанных лет порчи. Если допустить к работе в поле человека равнодушного, по сути, временщика. Вот и ключ: временщик или хозяин?

АБСОЛЮТНОЕ ДАННОЕ — формула Льва Толстого, выведенная им в романе «Анна Каренина». Константин Левин — соавтор открытия Льва Николаевича. Я более тридцати лет общаюсь, дружу с руководителями многих хозяйств. Левин — плод воображения писателя. Мои герои — жители современной деревни. Но как много у них общего. Я и сегодня думаю о них, противостоявших каждодневно диктатуре партократии: Нектарий Сотников, Евгений Девятисильный, Николай Мишиш, Владимир Бедуля, Генрикас Кретавичус, Василий Мороз, Михаил Батухтин... Кто герой, кто всю дорогу в опальных; о каждом писал не раз, все люди отваги, преданные земле, судьбам деревни. Что умел Левин?

Хорошо косить. А главное, как мои герои, мучиться неразрешимыми в его век проблемами повышения благосостояния соседних крестьян.

— Надо заинтересовать рабочих в успехе хозяйства, — пришел однажды к выводу Константин Левин.

— Поможет такое экономическое устройство, при котором народ будет богаче...

— Никакая деятельность не может быть прочна, если она не имеет основы в личном интересе, — еще и еще раз убеждал себя в собственной

правоте Константин Левин. И он вскоре кооперировался с мужиками, вошел в долю к ним. Заинтересованный работник на земле — он и есть то «абсолютное данное, как климат и почва», без которого Л. Толстой не считал возможным вводить положения науки о хозяйствовании на земле.

Из выступлений многих делегатов XIX Всесоюзной конференции КПСС выкристаллизовалась постепенно та же мысль: феодально-командная система управления страной привела к тому, что государство «долгое время жило в основном за счет крестьянина, его неоплаченного труда». Именно с этой мысли начал председатель чувашского колхоза «Ленинская искра» А. П. Айдак, а в конце он сказал: «Дорогие товарищи, в 40-х годах с целью обеспечения более быстрого подъема национальных окраин сопоставимые закупочные цены на продукцию сельского хозяйства Средней Азии и Закавказья в несколько раз были выше, чем в Нечерноземье. Отсюда, естественно, и разница в оплате труда. Этот факт, а также развитие тяжелой промышленности преимущественно в центре страны привели к упадку сельского хозяйства этой зоны. Центр страны, выдержавший интервенцию и остановивший фашистские полчища, край гарантированного земледелия оказался в тяжелейшем состоянии. Справедливость требует — и в этом все мы, то есть все другие народы Страны Советов, кровно заинтересованы, — чтобы русский народ и среда его обитания не отстали в своем развитии от других регионов». Делегаты аплодировали. Спасибо, брат!

Вспомним к слову и Василия Васильевича Докучаева: «Если действительно хотят поднять русское земледелие, еще мало одной науки и техники, еще мало одних жертв государства: для этого необходимы добрая воля, просвещенный взгляд на дело и любовь к земле самих землепашцев». Самих!.. Сегодня снова аграрная и социальная политика возвращает нас к межам шестидесятилетней давности. Власть земли возвращает. Но звучит во мне мое старое: «Без меня эта ложь, без меня эта ржа, я остался, где рожь раскотела рожать...»

*Родимый, неподатливый суглинок...
Зачем тебя так бесталанно мнут?
Зачем остался я, наивный иннок,
Где воскресения живые ждут?*

*Зачем так медленны над лугом самолеты?
Неслышными скользинками скользят.
Не скрипнут снятые с петель ворота.
И бить в музейный колокол нельзя...*

*Мужик мычит и голову крутит,
Ощупкой движется по вдоль домов.*

*За клубом церковь выпростала груди
Нацеленных на спутник куполов.*

*С реки пахнуло тиной и соляркой.
Скрыт оком до третьих петухов.
И время заблудившееся яркой
Кричит в ответ на шорохи шагов.*

Такой пребывала умиравшая деревня в 1966 году, почему и запросились старые стихи в неперменное предисловие. Не отболело.

1988 г., июль.

МОЙ ПОЗЫВНОЙ — АРЗАМАС

Только что — лето восемьдесят пятого — вернулся из давно звавшего Арзамаса. Земля его дальних рубежей да и сам город — земля отчич и дедич, а разлуке нашей было сорок лет с годом. И вот все, все вспомнил: храм, каких поискать; уцелевшие сады, пруды под ряской; и вновь ощутил тепло пыли под босыми ногами, тоску по Москве, когда гонял подпаском колхозных коров... С тех пор в переключке сердец любящих моим позывным неизменно оставался Арзамас.

В гостях у родины

Хоть и нелепо назвалась главка, тем не менее этот заголовочек лучше других отражает чувство вины, испытанное автором во время командировки в Арзамас, на землю далеких и самых близких родичей. Руины прадедовского дома, рябина детства на гумне, рожь и тропа во ржи, клубничная поляна... Поле гравитации — властодержавное, взыскующее ответа на все вопросы долгого отсутствия. Огромный зеленый мир этот с чьей-то легкой руки нарекли малою родиной. Как будто уступка в масштабе извиняет всеохватное чувство кровной привязанности и памяти родства. И кости по родине плачут! А коли не родился — так и не умер, стало быть, и не жил. Род в род идет; а начало здесь, куда еще недавно приводила Большая дорога, где встречали высоченные скрипучие мельницы, высокая плотина, сад, в саду колодец с чайной водой... Из того, что запомнил, — ничего: осталось родимую землю в ладанке зашить...

Груда кирпичей... Здесь был дом. А здесь катали яйца на нашем порядке — на Осиновке. Радость пасхальной игры — до слез. Мы орали на теплой тропинке. Ором нам вторили яркие в омшаниках. Крашеное солнце катилось. До сих пор катится...

— Вы к кому? — не утерпел, спросил ветхий хозяин крайнего дома на Осиновке. Их так и звали на порядке — Крайновы, хотя они мои однофамильцы.

— К родине в гости.

— Позвало, значит. Бывает... И я, когда на фронт угнали, вот так-то все оглядывался...

— Дом тут был, прадеда Ивана Ивановича.

— Как же! Николавы тут жили. Прозвище, конечно, по бабке ихней... Маруся, внучка ее, живет с детьми и правнуками в Арзамасе. Ей, чай, теперь никак не меньше восьмидесяти пяти!..

Мария Николаевна стояла рядом. Но дальний родич ее не узнал. Время смыло знакомые черты лица, как смыло отливной волной жизнь большого села с базарными днями, с хлебобродными запашками, пчельниками, крупорушками, садами... На масленицу выезжали кататься, так триста пар запрягали. С поля, даже я помню, возвращались с песнями. И пахли утра хлебами — все пекли. Теперь ждут по несколько часов привозного. Мы с Марией Николаевной уезжали, а очередь пристально всматривалась в черты наших лиц: чьи такие?..

Заметил я, как кто умрет из набольших, из артистов там или деятелей, то газеты уточняют: мол, родился в бедной крестьянской семье. Из крестьян — больше всего. И это естественно. Россия — страна крестьянская, долго таковой пребывала. Потом мощные течения времени, всемирно-исторических процессов захватили миллионы человек, совлекли их с родимой сторонки — самых любознательных, смысленных, самых здоровых и нетерпеливых. И перетекло население из деревень в города и поселки городского типа. Все дальше и дальше от пашен, лугов, речек детства и заветных могил. То были процессы живой жизни, и мы их теперь называем историческими. Писатель Ф. Абрамов предложил свой диагноз: раскрестьянивание. Страна стала социалистической, электрической, индустриальной, чем все мы, само собой, гордимся.

Но вот побывал в Арзамасе и местах, не забытых с детства, и душа не успокоилась; наоборот, как болела все годы на стороне, так и болит. Конечно, имеющий глаза да видит! Арзамас нажил за последнее время новые микрорайоны, современные предприятия самого серьезного назначения; много теперь асфальта на расширенных улицах, да и на стареньких, где когда-то нога утопала в песке. Парк с аттракционами; автобусы — десяток маршрутов; телеантенны над крышами, то бишь есть все, что является естественным приобретением для города областного подчинения. В общем, город как город; новостройки скорее привычны, чем удивительны, иного просто не ждешь.

А удивило, напротив, то, что живет Арзамас, оказывается, как встарь, заботами окружающих его сел и деревень. Будто не перегрызло время своими стальными зубами пуповину, соединяющую Арзамас с землей за обмелевшей Тёшей с памятными лугами, лесами и дальними селами. Скажи хоть в столице «Арзамас», и тут же в ответ: «лук». Ар-

замасский лук! Арзамасский гусь... Кожи арзамасской выделки! А еще популярные меха (собак на енотов переделывали). И, конечно, обувь...

Многим славились в прошлом ремесленники, промышленники этой высокодоходной, работающей провинции. А теперь на гербе города — неофициальном, скорее, рекламном — остался один лук. Олень, гусь — а ведь были, были — исчезли. Луковица осталась. Самый горький лук — арзамасской народной селекции! Только на вывоз... Госказак под завязку.

Аж до головокружения...

Местное достижение, венчающее поиски многих лет (как сесть музыкантам лучше), — районное агропромышленное объединение. РАПО в таком городе с его окрестностями дает возможность осуществить достаточно элементарную модель агропрома на базе веками копившегося опыта кооперации селян с горожанами. С горожанами, живущими утилизацией всего, что дают поля, пастбища, фермы, сады. Дерзну предположить, что негласно и без указаний сверху в Арзамасе более двух веков жизнь населения определяли экономические и даже социальные связи, весьма характерные для нынешнего объединения аграрников и переработчиков сырья. Как ни странно, я давних оборотистых мужиков, скупщиков, сидельцев, гуртовщиков, а главное, кооператоров воспринимаю как предтечей РАПО в моем понимании. Все работали на экономику и славу уезда. На свой город! И — на себя. Село производило традиционную продукцию, Арзамас умел ее забрать. Но и не просто забрать или купить! Нет. А в обмен на услуги; в обмен на свою продукцию — на «железо», на мануфактуру. И — на городские, чаще всего ярмарочные радости.

Разве не так? Разве не потому родилась идея РАПО, что все остальные новообразования, призванные в свое время «лучше управлять» селом, деревней, оконфузились? Обернулись несостоятельными, односторонними, в конце концов убыточными? И стали символом затянувшейся антиэкономии? Было бы иначе, не захирело бы Смирново, село моих предков, у которого сейчас ни рожи, ни кожи, ни стимулов жизни. Все в прошлом. Разве не о том же, мягко говоря, несоответствии грозного окрика со стороны районщика Борзова интересам селян начинал бить тревогу неистовый В. Ф. Овечкин? И лишь постепенное, возрастающее внимание к жизни селян, проблемам колхозно-совхозного развития со стороны общественности, особенно нашего брата газетчика и писателей, названных за то «деревенщиками», позволило точно сформулировать суть узла нерешенных вопросов, наметить пути постижения хитросплетения.

Новое оказалось напрочь забытым старым: с м ы ч к а. Вот он, ключ от широких ворот в страну благоденствия. Кто молод, загляните в исто-

рию нашего государства, на страницы, запечатлевшие идеалы и горячий энтузиазм первостроителей Страны Советов. Там подробно освещены первые свершения под лозунгом: «Дашь смычку города с деревней!». Намерения и поступки высокой пробы.

А что же тогда районное агропромышленное объединение, как не с м ы ч к а сугубо разных по своей природе интересов горожан и селян! Разные у них ритмы жизни, режимы рабочего дня, условия быта. Но государство одно. И цели исторические общие. Смычка — слово нетерпения. Агитслово, извлеченное из недр народного словаря, экзотическое для горожан и путеводное для наивных тогдашних деревенских вожakov.

Было тогда же, в самом начале, сказано и другое слово, ленинское: к о о п е р а ц и я.

«У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию. Едва ли все понимают, что теперь, со времени Октябрьской революции и независимо от нэпа (напротив, в этом отношении приходится сказать: именно благодаря нэпу), кооперация получает у нас совершенно исключительное значение». И далее: «Забывают, что кооперация получает у нас, благодаря особенности нашего государственного строя, совершенно исключительное значение». Ленин в той же статье «О кооперации» говорил о «целой эпохе» и об «особой исторической эпохе», которая отделяла еще нас тогдашних от участия в кооперации всего населения. «Собственно говоря, нам осталось *«только»* одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие».

То была коренная перемена всей точки зрения, прежде всего самого Ленина, на социализм.

Что же такое в этом смысле кооперация? Сотрудничество по строгим правилам экономики. Именно та форма организации труда, при которой соблюдение интересов всех соучастников единого производственного процесса о б я з а т е л ь н о. Все пайщики, все партнеры!

Ленин завещал развивать этот «кооперативный» принцип так, чтобы всякому и каждому было ясно его социалистическое значение... Мечталось о новой жизни для деревни, о действительном участии в кооперативном обороте действительных масс населения; дорогá была степень подчинения частного интереса общим интересам. М и р о м, в котором коноводили сильные да нáбольшие, деревня давно уже не жила. Совпадение интереса личного с общественным и посегодня актуально. Ну, разумеется, мы живем в иное время; нас, теперешних, от 1923 года отделяют не просто 62 года, что само по себе очень важно. Изменились задачи, понятия; но дорогá ленинская мысль, его забота о массе населения, о живой жизни в бесчисленных деревнях бывшей империи, важна историческая связь теперешней концепции перестройки с ленинским «мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». Важно и сегодня укоренять потребительскую коопера-

цию, закупки и сбыт сельхозпродуктов. Но тут напрашивается аналогия с качественно новым витком в развитии сегодняшнего народного хозяйства, с его совершенствованием: приоритет сельского хозяйства в АПК наконец-то признан. Кроме того, план кооперации органически, втесную связан с идеей самоуправления. В новой редакции Программы КПСС сказано: «...чтобы управление... закономерно, шаг за шагом становилось непосредственным делом самих трудящихся, не знающих над собой, по словам Ленина, никакой власти, кроме власти их собственного объединения».

От политического принципа прямой путь к практике будней. Как не напомнить, что Россия оставалась после Октября морем мелких крестьянских хозяйств. «Целая эпоха», прожитая деревней вместе со всей страной, — это история взаимоотношений города и села. На пути к социализму лежали годы военного коммунизма, продразверстки, перехода от реквизиции всех хлебных запасов к продналогу; нэп спас молодую Советскую власть; естественной была тяга свободных земледельцев к труду коллективному — отсюда первые коммуны, товарищества по совместной обработке земли, совхозы и сельскохозяйственные артели; а затем грянул перелом, взрывные темпы сплошной коллективизации аж до головокружения, время «перегибов» и забегания вперед; позже пережили послевоенный разор; только поднялась деревня — начались то укрупнения, то селения; кончилось тем, что экономически слабые деревни перевели в разряд неперспективных. В условиях неудовлетворенности сельским хозяйством, в повседневной борьбе с противоречиями развития, согласно диалектике вызрела идея АПК — кооперирование на базе современного материально-технического потенциала.

Не так все просто было по дороге к сегодняшнему обновлению.

В силу ли необходимости долгие годы царил сверхцентрализм в экономике? В этой ситуации план не координировал, а диктовал. Вал определял победителей. Но при этом не развивалась хозяйственная инициатива. Предприимчивость обзывали коммерцией. Самоуправство на земле обернулось деградацией почв, упадком плодородия. Консолидация всех хозяйственных сил в сельском районе, руки, протянутые поверх ведомственных барьеров, — реализация мечты жить дружно и плодотворно. РАПО призвано противостоять методу проб и ошибок.

Почему о столь очевидном пишу снова и снова? Да потому, что вот вернулся из Арзамаса, а приятель спрашивает: «Ну, скоро там РАПО прикроют?» Приятель родом из деревни, но давно уже горожанин и, видно, наслышан, будто РАПО — очередное детище опустылившей реорганизации. А по-моему, все как раз наоборот. Надо приветствовать мужество возвратиться к ленинским истокам. Законы экономики исключают вмешательство некомпетентных лиц, любителей красных сроков, рапортов, авралов — волюнтаристов, с самыми добрыми намерениями строящих дом на песке необоснованных планов и наивного, а потому преходящего энтузиазма. И пустословия.

Воспринимать РАПО как очередную реорганизацию — значит проявить досадное забвение ленинского завещания. Партия с мая 1982 года ставит на повестку дня вопросы развития агропрома в стране, освоения многосложного хозяйства нашего АПК. Ибо прошла та самая «целая эпоха», которую проводил Ленин, эпоха ликбеза и социализации деревни, накопления нынешнего материально-технического потенциала. «Но жизнь, ее динамизм диктуют необходимость дальнейших изменений и преобразований, достижения нового качественного состояния общества, причем в самом широком смысле слова», — было сказано Михаилом Сергеевичем Горбачевым на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. Речь о совершенствовании общественных отношений, но в первую очередь экономических. Ибо только приведя формы хозяйствования в соответствие с современными потребностями, можно добиться ускорения социально-экономического развития. Другого пути просто нет. От арзамаса услышал, что, мол, нынешнее село — задача со многими неизвестными. Не согласился. Дела деревенские проанализировали давно ученые, писатели, газетчики; и «Огонек» что ни год писал о том же, — я же и писал.

Не в коня корм?

Перелистать подшивки периодики за четверть века стоит для того, чтобы рассеять впечатление «уставших», для кого отработка модели АПК — новость откуда возникшая «новость». Партнерство города и села — требование экономической ситуации. Давно тревожат и хлебниковское «обессыновела Россия», и недавнее абрамовское «раскрестьянивание». На подмогу призывалась и мысль К. А. Тимирязева о том, что всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все политики, взятые вместе...

Так что же тут неизвестного для моего оппонента из Арзамаса?

Права, заинтересованность, научно обоснованные затраты и — отдача. Чего же не знают из этой цепочки те, кто призван «руководить» сельским производством? И те, кто остался жить и работать в деревне? Свидетельствую, что и первый секретарь Арзамасского горкома партии М. Ф. Балакин, и председатель Арзамасского РАПО Евгений Иванович Крюков знают о связи личного интереса с интересом хозяйства да и государства в целом. В этом смысле у них забот ничуть не больше, чем у думающего, прогрессивного помещика Константина Левина.

За чем же дело стало?

Соками земли жили города. И развивалась промышленность, отвлекала миллионы рабочих рук от дел в поле и на ферме. Праздновали свои победы гидростроители, атомщики, кибернетики и генетики. А село оставалось да и посейчас остается без новой техники, новых техноло-

гий. Без явного улучшения качества жизни. Совхоз — один пример — до сих пор не имеет права на собственную прибыль, а колхозными деньгами командует банк. За двадцать лет производственные фонды в сельском нашем хозяйстве возросли в четыре с половиной раза. Факт особой заботы о селе. Энерговооруженность поднялась более чем в три с половиной раза. И минеральных удобрений отгружают в адрес колхозов и совхозов теперь в четыре раза больше, чем двадцать лет назад... Налицо, как говорится, материализация идей помощи деревне. За что в общезнано-то и ратовали перья публицистов. А какова отдача на эти рубль и? На миллиарды рублей? Невелика отдача гектара земли... Несмотря на внимание со стороны города. Об этом свидетельствуют летние прилавки магазинов в городах. Отчего бы это? Не в коня корм? А есть ли он, «конец»? Есть ли кому у осваивать миллиарды?

То, что сельский люд откочевал в города, естественно. Двадцатый век на исходе. Городам расти и расти. Велики помыслы технических революционеров. Не менее сильны и соблазны города. Не в том беда. А в том, что на селе жить не лучше, чем в городе. Значит, умный да самостоятельный в селе как бы пропадает зря. Да и шансов проявить себя меньше, чем в завлекательной перспективе города или новостройки. Да и жить скучно, жить скучно в большинстве деревень и сел. Как замечено, проблемы селян и села, возникая, все-таки оставались вне конкретного внимания. Я имею в виду не рост поставок техники, удобрений. Но — душу живу. То есть жизнь землепашцев и жизнь поля. Жизнь села покинутого.

Николай Иванович Вавилов, гений растениеводства, говорил, что без правды науки нельзя создать нового общества. Он имел в виду не только сельскохозяйственную науку плодородия, новые растения. Лишь потому, что наука, агрономическая служба в деревне бесправны, урожаи у «нормального» колхоза втрое ниже, чем у примелькавшихся «маяков», сумевших благодаря своим выдающимся вожакам отстоять независимость и приверженность к достижениям народного опыта и научной мысли. Только поэтому все еще естественны противоестественные урожаи зерна в 12—15 центнеров с гектара, а то и гораздо меньше (особенно в неблагоприятные годы, которые зачастили в наши пределы). Казалось бы, есть и машины, и удобрения, и сорта новые — в чем же дело? Почему так называемые средние урожаи втрое ниже потенциально возможных? Причин несколько. Они обнародованы. Да и мое родное, как бы присмирившее, обезлюдившее село о них порассказало... Не каждое поле обрело своего хозяина. Не каждое. На огромном числе полей работают работники — люди чуждые науке, даже собственным выгодам. Безразличные к опыту дедов и прадедов. Такова реальность: отчуждение.

Да, наше земледелие творится в зоне достаточно рискованного хозяйствования. Зона напряженной экономики... Вот тут-то бы и проявить природный дар, талант земледельца. Примеры есть, один из

них — жизнь Терентия Семеновича Мальцева. В любой области назовут своего земляка. В любой. И в любом районе есть два-три передовых хозяйства, для которых вести дело на земле выгодно и заманчиво. И престижно. Но эти два-три хозяйства занимают не более десятой доли угодий в районе, они его слава, но они же и укор ему.

Собеседник из Шатовки

Владимир Александрович сокрушался: дал совхоз промашку, хорошо надоили в прошлом году!.. Какая же тут промашка? А такая, что рынок, удача, старание животноводов были замечены в районе. И — вот старое горе — достигнутое зафиксировано как задание на следующий год. И теперь такая естественная радость обернулась обязательным показателем. Проклятый достигнутый уровень — точка нового отсчета. Так что ни на славу, ни на премии совхоз больше не рассчитывай...

Я для виду ахал, изумлялся, но ситуация была до оскомины знакома. Планирование от достигнутого уровня... И это при РАПО? Владимир Александрович, захваченный раз и, видно, уж навсегда круговертью повседневных забот, почти не отвечал на вопросы, ему трудно сосредоточиться на них, далеких от его практики, и я замолкал, потому что директор «Шатовского» В. А. Романов человек дела. Он не склонен теоретизировать. А РАПО для него, по всему виду, пока еще не опора. Не радость долгожданная, а некое сооружение, напоминающее ЭВМ первого поколения, когда громоздкое решающее устройство едва умещалось в неохватных шкафах.

— Банк тоже входит в объединение?

Владимир Александрович хотел что-то сказать тяжелое и округлое, обкатанное веками, но смолчал. Только посмотрел на меня как на пришельца. Банк не помощник, а надзиратель. Директор как раз второй день названивал в банк, просил перечислить некую сумму на счет организации, с которой договорился о сделке:

— Поймите нас, уважаемая, бесценная Маргарита Васильевна! Мы этот трансформатор поставим на сушку сена. Как другая статья? Это же кормопроизводство! Ну, тогда давайте оформим трансформатор как, ну, капремонт? Согласны? Ой, как хорошо-то...

И снова звонит директор в банк: не переводят совхозные деньги на счет ПМК. Совхоз строится, остался последний этаж, а у подрядчика нет кирпича, но совхоз готов кирпич купить, и надо-то три вагона, да как купить, если банк держит за карман, денег не даст... И снова Владимир Александрович, по характеру человек крутой, властный (в районе известный как не всегда сдержанный), воркует в трубку:

— Маргарита Васильевна, голубушка, послушайте, прошу! Это наши деньги... наши! Совхоз — государственное предприятие. Мы, его руководители, несем материальную и партийную ответственность. У нас

тут дирекция, бухгалтерия, и я не частник и прошу не для себя!.. Послушайте, не путайте наш совхоз с теми, кто плохо ведет хозяйство! У нас есть, кто годами сидит на кредите, им деньги отчисляют еще и еще. Понимаю, понимаю, дотация, кредитные операции... Да ведь это разорение! Это банкротство! И вы ему мирволите... А наш совхоз уже три года в закредитованных не числится, три года... Вы не должны нас так-то уж ограничивать чековой-то книжкой. Мы деньги считаем, мы за год-то, чай, берем в кредит меньше десяти процентов от общих расходов. Только когда обернуться надо, когда зарез...

В совхозе «Шатовский» прибыль составила два миллиона шестьсот пятнадцать тысяч рублей. И столько унижения... Романов опять что-то хотел сказать в мой адрес, но сдержал себя и зачастил цифирью:

— Девятьсот трудоспособных, девять тысяч гектаров. Лет девять назад дали нам план лука, и он сейчас в основе экономики — семьсот гектаров лука, а под него деньги на жилье, на технику, на орошение... Лука продали в прошлом году почти три с половиной тысячи тонн. Но продали много и зерна, и молока, и почти тысячу тонн мяса. Много овощей и картофеля. Всего на семь с половиной миллионов рублей...

Я думал о шорах, о путях, о регламентации, когда трансформатор за две девятьсот миллионеру нельзя купить. И стало дело: год дождей! Сено гниет...

— Луковые сеялки применяем, — положительно доводит до моего сведения Владимир Александрович, — так что без рук сеем, без рук. А на прополку привлекаем всячески людей из Арзамаса. Что ни попросят — удовлетворяем. И обеды в поле, и деньгами на руки... Комсомол помогает, эти любят с ночевкой, дело молодое...

Нелюбезный мужчина вошел, чтобы директор подписал какие-то бумаги. Мужчина явно заезжий, торопился. Директор подписал и попросил: «Вы у себя наведите порядок. Найдите общий язык с нашими специалистами. Последний раз подписываю...»

— Техническое обслуживание, — пояснил Владимир Александрович, — обслуживают электродойку. Деталей ставят на сто рублей, а я подписываю акт на...

Я не расслышал, но уточнять не стал. И так все ясно. Не подпишешь — не поедешь. То есть, случись какая авария, припомнят, не придет, а без электричества какая дойка? Видно, совхозный специалист молоденек и оттого принципиален, актов небритому дяде из сервисной организации не подмахнул. Но директор тертый мужик, многое берет на себя, толкая, продвигая громоздкую совхозную машину дальше и дальше — по замкнутому кругу сельскохозяйственного года.

— Партнеры, это хорошо... Только ведь у каждого партнера свой хозрасчет, а главное — свой план. Стоимость продукции — вот что нас беспокоит, тут и выгода, тут и банкротство... Комбайны с некоторых пор дорогие стали. И тракторы дороже вдвое, и горючего мы теперь

сжигаем аж на сто тысяч рублей. И запчасти вдвое, считай, подорожали. Плюс накладные расходы — их еще достать надо.

— Но вам закупочные цены подняли!

— Конечно, это мудро. Очень хорошо, у нас прибыли увеличились... А горючее подороже стало, и те же прибыли осели, как тесто у плохой хозяйки. Никакого тебе припека. Но и тут выручает хозрасчет. Доводим все задания до бригад, до каждой. И каждой ферме, и гаражу, и мастерской. А с заданием и технико-экономическое обоснование. Вот тебе, что сделать, а вот тебе на расходы...

— А как с оплатой?

Владимир Александрович рад был высказать сокровенное:

— Я считаю, для многих хозрасчет — тайна за семью печатями. Так вот хозрасчет есть только там, где работнику, то есть непосредственному производителю платят за живую продукцию. Все наши ухищрения, призывы, заботы надо к этому свести — к оплате за труд. За овеществленный труд, этому и Карл Маркс учил. Платить за килограмм молока, за килограмм привеса, за тонну зерна, лука, картофеля...

Как мог я не вспомнить очень давнее откровение первого секретаря райкома на Тамбовщине — тому четверть века, — который тогда сказал: пока я получаю больше того, кто пашет, сеет, молотит, доит, до тех пор дело экономики и сельского производства с места не сдвинется... Вот и сейчас директор совхоза «Шатовский» говорил, по существу, о том же, но, разумеется, с поправкой на истекшие четверть века: оплата по труду! О ней тоскуют на местах. В Арзамасском районе тоже. Оплата по труду, как объяснил Владимир Александрович, вершится только осенью, когда поля, плантации, огороды и сады чисты. Когда урожай в закромах. В конце года совхоз рассчитывается со своими работниками за реальный урожай — это доплата. Плюс премия — каждому, кто сумел, — за повышенное качество продукции. Но это не все!

— Второй обязательный элемент хозрасчета — премия за экономию прямых затрат, — наставительно, словно диктуя, говорил Владимир Александрович. — Пример? Приблизительный можно... Тысячу рублей сэкономил — получи от них сорок процентов! Такая заинтересованность, такая оплата работы за продукцию, за ее качество, но и за экономию прямых затрат у нас все дело поставили на прочную основу. Чисто экономическую.

И директор рассказал, как однажды не удалось сдать картофель государству, был случай, и он остался на корм (в совхозе более восьми с половиной тысяч голов скота — коров, свиней, овец!). И тут сработал механизм хозрасчета: люди на фермах не брали ранее не запланированного картофеля. Дело в том, что при переводе на кормовую единицу картофель дороже, чем сенаж, кукуруза и прочее. Конечно, пришлось поговорить с животноводами, картофель скормили, иначе было бы не по-хозяйски, но это вторжение в графу затрат стоило большого труда.

Животноводы с неудовольствием расплатились за оплошность дирекции.

В. А. Романов без видимой охоты все-таки сказал, что он думает о РАПО. Пока сильные, экономически сильные хозяйства не так зависимы от этого содружества, как отстающие. Да, взносы в фонды РАПО, так называемый пай, ощутимы. Хотелось бы в обмен на эти отчисления получать более качественную помощь, хотя бы защиту в лице РАПО от посягательств на экономическую и хозяйственную самостоятельность колхозов и особенно совхозов. РАПО не защищает, а должно бы!..

— Его величество план от достигнутого уровня хуже стихийных бедствий! При нем каждая производственная победа наказуется, — посетовал глаза в глаза Владимир Александрович.

— Не план, а планка?

— Именно! Как для Бубки... Но есть и второе условие для движения вперед. Вот вы все о РАПО стараетесь... Взять снабжение, точнее, обеспечение технико-экономического обоснования, тут-то бы и должно было сказаться влияние РАПО. Не всем же сестрам по серьгам! Не всем... Работать на отдачу — вот принцип. А пока и при РАПО старый принцип оберегается. Кто смел, тот и съел. Деятелям в районе это выгоднее, лично выгоднее... И получается, что есть плодородная земля — нет машин. А у соседа те же машины на приколе. Есть вода, орошение — нет удобрений; есть удобрения — нет дождевания. РАПО должно бы помнить об интересах каждого хозяйства. Пока никакой координации. То одним увлекутся, то совсем другое рекомендуют. Так и живем от кампании до кампании. А радость жизни уходит из деревни. Нет коней, нет и коновалов, людей тонкой профессии. Нет ветряков — не стало мукомолов. И хлебы хозяйки не ставят. Значит, исчезли и печники. Хоть реви...

Владимир Александрович не повторял обычного при таких монологах «не для печати»- И я благодарен ему за прямоту и точность формулировок:

— Многое, очень многое зависит от капвложений. Но что под ними понимают? Капвложения, чай, не только техника, цемент, мелиорация, вообще строительство... Сколько денег похоронили за последние-то годы!.. Капитальные вложения — это и кадры, качество кадров. Вкладывать-то надо бы и в людей, в специалистов, в человеческие способности. А лучше бы — в таланты! Кто отвечает за негодных руководителей, специалистов? За то, что мало у нас переселяется в деревню людей толковых, с кругозором людей умственного труда? Технологически высокообразованных? Считаю, что руководители района и РАПО во многом ответственны за развал иных дальних хозяйств. Там конь не валялся! Стоит дело... Хозяйство-то полеживает, хотя в общем и целом ажур, и арзамасцы впереди многих...

Романов как-то освобожденно крикнул, набрал воздуха и решительно встал: в поле! Мол, заговорились, а дело-то и страдает: «КСК наш

стоит, а немец стрижет...» Директор на ходу ставил знак антикачества отечественной сенокосилке. Наш силосоуборочный комбайн называют здесь — «бандура». Вообще арзамасцы — да только ли они — говорят о сельскохозяйственной технике с гордостью:

— Как мебель у Собакевича! До Америки землю продавим...

Надо бы приколотиться

Со скрипом партнеры притираются друг к другу. На словах все братья, на деле каждый за своей перегородкой. Что разделяет? Прежде всего п л а н. У каждого с в о й, и даже хозрасчет, и система вознаграждений свои. А за ними — там, наверно, в Горьком и еще выше — в Москве, свои начальники. Начальники главков, отраслей, ведомств, министерств. И за всеми поползновениями проявить себя следит недреманное око Минфина СССР. Второе око — Госплан СССР. Силы эти настолько укоренились, настолько грозно всемогущи, что зеленые ростки районных объединений надо всячески лелеять и оберегать от санкций. Так и от пустопорожных подбадриваний.

Но, как сказал председатель Арзамасского РАПО Евгений Иванович Крюков, с проблемами жить интереснее. Евгений Иванович оптимист, такой уж характер. Но оптимист, который достаточно хорошо знает реальное положение дел в сельском хозяйстве. Он понимает, что проблема проблеме рознь. Жить бесспорно интереснее, когда проблемы одолеваются совместными в районе ли, в стране ли усилиями, а когда они образуют завал, который ни растащить, ни взорвать, тогда лучше без них.

— РАПО, — заметил Евгений Иванович, — естественный этап в развитии народного хозяйства. Страна на памяти поколения пережила не одну реорганизацию. Но есть ли панацея от всех бед? Тот же рубль, какая была радость! Гарантированная оплата была признанием, что колхозник — человек трудящийся, а не раб. Да ведь русский характер каков? Или по нулям, или будь-будь! А натура широкая, и как-то уж очень быстро привыкли к зарплате, никак не связанной с привычными мерками деревенского труда...

Евгений Иванович согласился, что РАПО не учреждение в привычном понимании, не директивный орган, а коллективный аккумулятор жизненной энергии. Банк мысли! И экономических стимулов. Для одной общей цели — повышения качества жизни в районе. Он сказал:

— Какова роль министерств и ведомств, живущих сельскохозяйственным сырьем? Переработка? Но в том-то и дело, что движение было односторонним. И таким оно остается по сию пору. Ломаем старые отношения, но... У нас в Арзамасе есть и молокообъединение, и мясокомбинат... Так вот их собственные ведомства довели до состояния черной бани! У нас в РАПО они стали получать хоть какие-то средства на ре-

конструкцию. Мы им даже жилье строим! От колхозов берем кровное — как же, партнеры! Село зла не держит. Хотя из года в год, даже в самые неблагоприятные годы эти предприятия оставались с прибылью, премиями. И все за счет деревни.

Село зла не держит.

Арзамасский район большой, он равен четырем соседним, вместе взятым, и по производству, и по реализации продукции. Четыре района — знаменосцы области, но каждый из четырех произвел продукции меньше, чем арзамасцы, и все же им — знамена, медные трубы, а у арзамасцев план от достигнутого. И планка столь высоко вознесена, что не до перевыполнения... Разница во всем такая, что в эпоху торжествующего хозрасчета работники Арзамасского РАПО заметили: оплата и у них, и у соседей одинакова. Проявили инициативу, совет РАПО порешил своих специалистов заинтересовать материально. И что же? Окрик из Горького. Там включили в повестку дня высокой инстанции: «Об отмене решения Арзамасского РАПО по изменению окладов специалистам и руководителям объединения...» Как будто РАПО не кооперация. Не хозяин у себя дома. А некое старорежимное учреждение с чиновниками на окладах... Что произошло? Совет РАПО поставил оплату специалистов в зависимость от конечного результата, и сразу затрещал по швам фонд зарплат. Арзамас — луковый Техас, а живет на подачках...

Разумеется, эта размолвка с областью не единственное противоречие, выявленное жизнью. Сказаны и «а», и «б», и, пожалуй, еще несколько букв, но не все, далеко не все. РАПО пока лишь занесло вторую ногу, чтобы сделать следующий логический шаг в своем продвижении к лучшей жизни. Нога эта так и осталась без опоры — без поддержки надрайонных инстанций. Сила-то объединения большая. В Арзамасское РАПО входят 22 хозяйства и 15 предприятий. Но, объединившись и сев за общий стол, тридцать семь руководителей пока еще не чувствуют себя единомышленниками. Пока не всех райчиновников волнует качество жизни района, его сел и деревень. Лишь бы перед начальством в Горьком и Москве соответствовать...

— В агропроме, — считает Евгений Иванович, — самое слабое таится во втором слагемом. Представить себе страшно, если все хозяйства выйдут на уровень передовых! Хлеб ссыпать некуда! Молоко скиснет, лук не сдашь... Нужны свои магазины, нужны базары и ярмарки.

— Агро более самостоятельное?

— Не то, чтобы... Но полнее отвечает в сложившейся экономической ситуации интересам прогресса. Разным начинаниям. РАПО, его природа потребовали от городских партнеров дела! В пользу села. Вот и приходится от щедрот своих уделять внимание им, опять же за счет села. Село руку протянуло, а город медлит. Но это зависит не от наших партнеров, не от тех, кто в районе. От Москвы, как у нас принято говорить.

— Четыре года нашему РАПО, — продолжил Евгений Иванович, — много изменилось. И я изменился. Надо признать, что сельхозуправления никто не слушался, а горкома партии просто боялись... Все это для дела было невыгодно. Если что-то надо очевидное сделать, любой руководитель отрасли шел — куда? В горком. Оттуда толкали, если хотели. То есть никакой системы, никаких законов хозяйственной логики... Теперь без нужды не ходим, не жалуемся. Совет РАПО напрямую связан с каждым из тридцати семи партнеров. Конечно, были инциденты. Звонили, чего, мол, она, деревня, нами командует? Прошло четыре года... У той же «Сельхозтехники» было сто тридцать автомашин, ни одной не возьми! Теперь у нас там наш человек, Николай Михайлович, бывший заведующий сельхозотделом горкома партии, он-то все понимает. И болеет за район, а не за свое горьковское начальство. Взять те же окающие запчасти, теперь их делаем сами. Даже городские предприятия! В общий котел. Короче, воспитательная работа развернулась. Совет РАПО учит входить в нужды каждого партнера, мы даем жилье, средства на технику... И все-таки ведомственность сказывается. В лес, то есть в дальний город смотрят... С оглядкой в родном районе живут! Лесхоз никак не хотел кооперироваться, но вошел, и ему работу дали, теперь столярка своя, домики для холодного воспитания телят, навесы для колхозных токов, хвойная мука пошла...

РАПО заимело свои деньги, сейчас его фонды — это почти миллион рублей. Можно теперь музыку заказывать!..

— Мужики-то хорошие, и нет плохой земли. Как на театре нет плохих ролей, — сказал Евгений Иванович. — Отстающие хозяйства есть, но бросовых ни одного. И всех на ноги поставим, дайте срок...

— Важнее все-таки каждому проявить свой опыт хозяйственника, — согласен со мной Евгений Иванович. — Представляете, в некоторых колхозах и совхозах не знали, что такое прибыль? И вот государство повысило цены, люди стали озабоченно считать, появилась кое-какая прибыль. Пока от дотации, от закупочных цен, не совсем экономическая, но прибыль! Реальная! Так вот я к тому говорю, что отныне требуется от руководителя иное мышление. А может быть, потребуется вообще новое поколение сельских вожakov — руководителей прибыльных хозяйств. Тех, кто будет сам решать, как прибылью распорядиться? Как в е с т и хозяйство к новым прибылям? Это же очень интересно! Это не всем дано, зато начнется отбор людей знающих, мыслящих экономическими категориями. Свои деньги в банке! И новый председатель лично едет — куда? В банк! Он уже узнал, какие платежи бьются. Какие просрочены, а какие не просрочены. Он уже не на зарплату деньги просит, а на приобретение!..

Крюков прав: взаимные расчеты, знание экономики отрасли, не указания, а участие в разработке стратегии РАПО — все это поднимает достоинство сельских руководителей. Они отныне не с просьбой поедут в Арзамас, а с требованием соответствовать задачам, выдвинутым време-

нем. РАПО им опора в районе. И не будет безнадежно отстающих, поскольку совет РАПО знает о реальных повседневных нуждах каждого. Не первый ли результат — приостановился отток молодежи из арзамасских деревень? Из дверей средней школы выходят готовые трактористы и шоферы. Любой специалист в хозяйстве получает в полтора, а то и в два раза больше, чем в любом арзамасском кабинете. И все больше в селе таких хозяев, как мудрые, малословные Владимир Александрович Романов из «Шатовского», Александр Павлович Ялин из колхоза имени Кирова, Александр Федорович Стеклянников из «Привольной жизни» и оттуда же заслуженный механизатор республики Константин Иванович Колосунин, а еще его два сына — золотые руки (и головы); а уж как хорош инженер в колхозе «Тумановский» Михаил Владимирович Лопатников, чего он только с парнями не напридумал! Или главный инженер в «Борьбе» Аркадий Павлович Верховцев — о нем многие в Арзамасе рассказывали, он уже тридцать семь лет имеет дело с техникой полей и ферм! Превзошел самых дипломированных, внедряет все новое, о чем прослышал. И что родилось у самого в часы бессонных ночей — и стеблеподъемник особый, и принципиально новую автопоилку — чистая автоматика; и на луке помог многое механизировать, а то ведь арзамасская женщина до сих пор до тридцати километров п р о п о л з а е т по земле, пока вырастит гектар лука. За последние три пятилетки трудоспособных в хозяйствах района стало вдвое меньше. Теперь их всего-то двенадцать тысяч на двадцать два колхоза и совхоза...

Нет, не оскудела земля прародителей людьми работающими! Талантливими от рождения. Как же не пожелать им самостоятельности. И жизни интересной заботами о живом — о земле, прежде всего. Есть у мужиков арзамасских слово «приколотиться», значит — ужиться. Все больше из них со всем своим удовольствием уживаются с новой жизнью на селе. А то до того дошло, что реви не доревешься никого на работу. «Паши и пьяный!» — до того довели, а получалась одна дискредитация. Но вот приняты меры всем известные, и заботатели селяне, поднялись на ноги хозяйства. И уже в Балахонихе, не самом богатом, скорее, неимущем колхозе председатель Юрий Егорович Зубанов предложил на свой страх и риск передать автомашины шоферам. По договору. Вроде каждому в аренду сдал. И на уборке трав там тоже первыми применили коллективный подряд. И сразу автомашины обрели колеса, забегали, а травы все скошены и до ума их довели еще до первых дождей. То бывало с поля не отпускали бригадиры женщин, а теперь люди сами работают до конца — до конца пахоты, до конца сева, до конца сенокоса. И покончили с печальной памяти системой п о л у с т о г а, когда могли не довершить готового стога, скирды, а бросали вилы, грабли ровно в пять часов. — По домам!.. Было так, было еще недавно. Так недавно, что краска с лица еще не сошла — стыдоба, как жили.

— Какой же следующий шаг в развитии агропрома?

У Крюкова ответ был готов, четыре года — времени для раздумий немало.

— Строить начали правильно, с фундамента, с первого этажа... А дальше? Уходит время, строение можно упустить — непогода, то да се... Надо бы побыстрее возводить стены и крыть. Тогда здание агропрома принесет пользу. И всех специалистов, так сказать, стратегов районного хозяйства под одну крышу собрать. И — минсельхоз, минводхоз, и минплодоовощ, и министерство молочной и мясной промышленности, и всех, кто занят тракторостроением, комбайностроением, сельхозмашиностроением. Тогда мы будем определять политику в этих отраслях. Сами выберем конструкции, марки, какие нам нужны. Все взаимоотношения деревни и города с головы станут на ноги. На договорную основу. На хозрасчет и полное, безоговорочное удовлетворение претензий со стороны села.

Далее. Надо срочно, сегодня же изменить экономические показатели, по которым работают наши партнеры агросервиса. У них все еще плановые показатели не те — царит вал в рублях. А нужно? Нужен, например, для «Сельхозтехники» один показатель, это готовность машинно-тракторного парка! И все. Не обязательно работу токаря, сборщика, слесаря, инженера связывать с конечной продукцией, нарезные болты с мясом!.. Но обязательно, чтобы техника работала, как часы. И как можно дольше. С этим связать и систему премирования.

А за конечную продукцию сейчас с рабочего класса, с инженеров агросервиса спрашивать рано. Селу надо встать сначала: добиться стабильных урожаев, привесов, надоев при любых погодных условиях. Я не прав? Давайте обсудим. Настаиваю, что агросервис должен работать по иным принципам оплаты. У них своя специфика, у них фонды пока даже при хорошей работе не обеспечивают людей премиями. Заданный потолок мешает. Правда, наше РАПО для агросервиса свои условия оплаты разработало, мы учитываем тут уменьшение затрат для содержания машинно-тракторного парка. Шестую долю сэкономленных средств отдаем ремонтникам на премии!.. В общем, приколотить можно. И нужно. В интересах района.

Интересы района! Они ставятся отныне во главу угла.

К сожалению, ни Балакин, ни Крюков не поведали о своих взаимоотношениях. А ведь тут, догадываюсь, «приколотиться» было нелегко. Определенную власть объединению дали, но в районе все знают, что у РАПО нет многих реальных прав — ни финансовых, ни юридических. Да и бьет оно растопыркой, а не кулаком. Поскольку за каждым партнером стоит его хозяин. И все-таки горкому надо волей-неволей отказываться от мелочной опеки (и не только от мелочной). А это трудно. На это нужна добрая воля, мужество, переоценка ценностей. Что такое реальная власть в сельском районе? Право распределять. Что? А все, в чем нужда. Верстать спущенные из Горького задания — не только по годам, но и поквартально (да, живуче еще такое планирование). Давать или не

давать новую технику? Удобрения, стройматериалы, товары? Да мало ли... Трудно от этой, чисто хозяйственной, в общем-то, лавочной возможности отказаться горкому. Вот едет секретарь горкома или тот же предрик по своему району, его встречают, ему докладывают и не столько советуются с ним, сколько у него просят. Просят и просят. А он, руководитель, обещает помочь. А как же, иначе ни уважения, ни авторитета... Но РАПО, его совет уже давно обсудили, где какое положение, кто в чем нуждается; у РАПО нет возможности всем сестрам по серьгам, у РАПО иной принцип сугубо экономических отношений... Как быть? Распределять блага красиво, об этом помнят. Кто? Те, кому удалось их выпросить, заполучить вне очереди, вне логики развития районного агропрома. Теперь, чтобы секретарь Михаил Федорович мог отказать, ему нужно понимание ситуации. Даже насилие над собой, над сложившейся традицией. Нужна культура власти. Кооперация сил, средств, идей в конце концов стоят того, чтобы «давай-давай», а также «распределяй и властвуй» уступили (без боя) новым принципам эффективного хозяйствования в районе. Хотя об этом не было речи, но думаю, что кандидат экономических наук во главе районной парторганизации не чужд новизны в своем положении. Жаль, Крюков эту проблему как-то обошел. Очевидно, не ради такта. Конечно, он не мог не признать, что за четыре года конфликтов было предостаточно.

Некоторые партнеры до сих пор живут с оглядкой на свое вышестоящее начальство. Хозрасчетные предприятия не могут быть друзьями — разделяют, мол, ведомственные барьеры, планы. Какая дружба в условиях конкуренции?

Я думаю, что «конкуренция» из чужого лексикона, в РАПО — сотрудничество. Причем виновник торжества новой политики — деревня. Остальные партнеры ее призваны обслуживать. Так, чтобы выгоднее было и лучше деревне, а не тем, кто обслуживает, как они привыкли. Так что довод «конкуренции» от лукавого.

С этим согласился и Балакин. В чем «тупиковость» ситуации? Ведомства, — их развелось так много, — до сих пор жили за счет села. И не желают отказаться от своего привилегированного положения руководителей. Не хотят. Ждут указаний. И в РАПО ждут. И это ожидание обходится очень дорого — во всех смыслах. Экономически и нравственно. Хотя давно прозвучал призыв поменяться ролями. Но план у каждого свой, план в рублях. И он требует служить только ему. А план можно выполнить лишь за счет интересов села...

Но так оставлять конфликтующие стороны нельзя. Вал в рублях и вал по зерну, мясу, молоку — разные вещи. Разные меры служения государству, разные и непримиримые.

— Дело РАПО надо довести до логического конца, — сказал Балакин. Это его позиция.

У РАПО появились свои деньги, созданы фонды, а нет до сих пор директивного документа, как и в каких случаях эти фонды использо-

вать? Нет нормативных документов. Не будь некоторых министерств и главков — Агропром стал бы давно штабом народного хозяйства. Единым мозгом отрасли. Его вывод? Надо решить следующие принципиальные вопросы: передать материально-технические ресурсы Агропрому, держаться неукоснительно твердого, научно обоснованного плана все пять лет пятилетки и обеспечивать его материально; РАПО должно иметь свой интерес в развитии экономики района. Тогда все его специалисты с головой уйдут в дело улучшения жизни деревни.

Когда руководители и специалисты города, разных ведомств лишатся зарплаты, всегда гарантированной, они сами оставят высокие кабинеты. Вернутся в производство!..

Все так, все так. Ни слова не вызвало возражения. Хотя определенные сомнения мои связаны с первым пунктом короткой программы: как бы хозяев земли подчистую не лишили техники. Тогда реви не реви останешься безоружным в поле... Главное старо, как мир: район как единый живой организм. РАПО должно стать действительно хозяином. Одним. И на производстве, и в смысле реализации продукции, своих нажитых богатств. Старый закон крестьянствования. Богатым был тот, кто был богат лугом, пашней, лесом, садом, скотом... Арзамасцы все должны быть богатыми оттого, что именно у них луковый Техас. Полкус луковый.

А тогда, может быть, и гуси вернутся на луга?

И река Тёша очнется, поднимется, разольется?..

Трудно даже предположить, чем обернутся дела арзамасцев, ставших равными пайщиками в Агропроме страны!

На прощание секретарь горкома Михаил Федорович сказал: «Будьте посредником! Поможете нам — запишем в Арзамасское РАПО...» Я был согласен, но — посредником между кем и кем? Нет, я не посредник. Я на стороне тех, кто остался в деревне. Кто сам себя кормит! Так что пишите меня в кооперативное хозяйство Арзамасского района.

*Сорок лет я не был в этом
Самом чистом ч и с т о м поле:
Рожь да чибис в сетях света,
Да трона на богомолье.*

*Туча омут залатала,
Дождь погладил рожь по шерстке.
Рад подсолнечник радару:
Брат по разуму нашелся!*

*Куполами Арзамаса
Наполнялась память слезно,
Различала в гуле трассы
Поскрип дерева колесный...*

*Мое детство на телеге!
Я скакал, держась за грядку,
Через доли, через реки
И жалел мою лошадку.*

*Много лет я не был в этом
Одиноким чистом поле:
Рожь да пар из лета в лето;
Свет далеких колоколен.*

*Поле и во ржи тропинка...
Было, не было — прощайте.
Черепки — бывшая кринка—
Положил в портфель на счастье.*

1985 г., июль

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Июньский светлый лес на тульской земле. Высокое разнотравье в цвету, гул шмелей и пчел, в траве — холодная земляника. За кустами дикой малины и лещины, скрытые от солнца и ветра, обедали механизаторы; в траве — термос, алюминиевые тарелки, ложки, кружки с черным чаем, куски хлеба. Кучка грибов лисичек — кто-то загодя собрал для дома. Рядом земляничный букет — чей-то десерт. Звено Николая Никитина обедало. Обед тоже дело, потому мужикам было не до разговоров. А поговорить с ними надо о звене, которое вот уже второй год работает по единому коллективному наряду. Затея, можно считать, новая, о ней столько разговоров и в стране, и в области, и тут, в Ясногорском районе, и в совхозе имени XVII партсъезда — в селе Иванькове и окрестных деревнях.

Звеньевой Николай Никитин, широкогрудый молодой человек в телняшке под промасленной робой, привык за два года к интервьюерам, приходилось ему и с трибуны делиться опытом.

Мне он обронил на ходу как об очевидном: «Подрядились вот... Заключили договор с директором, сами управляемся».

Перелески стояли по колено в великолепном цветущем клевере, а за ними волнами ходила сизая пшеница.

Механизаторы поднимались с травы, потягивались, посмеивались.

Действительно, п о д р я д — это так понятно. Только понятие в деревне хорошо забытое. Напомнил, как ни странно, город, знаменитая бригада Серикова.

Потом заговорили о калужском варианте организации производительного труда.

Селá эти «поиски» вроде бы не касались, и знаменитый новатор Первицкий оставался одиночкой. Но именно преданность подряду и впечатляющие успехи кубанца подвигли первых его последователей на преодоление рутины, на труд самостоятельный по новой системе и с новым отношением к земле и технике.

Обычно публицисты, дабы не открывать Америку, обращаются к авторитету Владимира Ивановича Дала, и тогда оказывается, что действительно многое новое — забытое старое. Наше, доморощенное, апробированное народом. Откроем третий том толкового словаря.

— ПОДРЯЖАНИЕ, ПОДРЯЖЕНИЕ, ПОДРЯД...

— ПОДРЯД, сделка, договор, условие, обязательство, обоюдный уговор на доставку, работу...

Сущность очевидна: дело юридически и по совести скреплено обоюдным интересом договаривающихся сторон — администрации и исполнителей. Вот тут-то и обнаружило себя новое для совхозного села: договор! Обоюдный интерес, оплата труда по его конечным результатам. Прости-прощай сдельщина! И повременка и сменная норма с оплатой «от колеса». Долгие бесплодные годы царили они на поле, развращая потомственных пахарей, отлучая их от земли.

А вот теперь, только заговоришь о сельском подряде, в ответ слышишь варианты одной-разединственной мысли: земля обрела хозяев. И я вспомнил скрижаль, вмурованную в стену старинного здания в центре Москвы, в проезде Скворцова-Степанова: «Вся наша надежда покоится на тех людях, которые сами себя кормят».

— Поймите, мы вернули земле хозяина, — сказала секретарь парткома совхоза имени XVII партсъезда Валентина Дмитриевна Волкова.

— Дождалась земля хозяина, — вторила ей главный совхозный экономист Валентина Алексеевна Манерова.

— Звено — полномочный, можно сказать, единовластный хозяин поля, — убеждал первый секретарь Ясногорского райкома партии Евгений Васильевич Богачев.

Начальник Тульского областного управления сельского хозяйства Николай Дмитриевич Митин дал справку: уже четверть тульской пашенной земли отдана под начало механизаторов, подрядившихся обиходить поля, возродить их плодородие.

Вернемся в дальнее Ивановко — центральную усадьбу ясногорского совхоза.

Совхоз по тульским масштабам велик — около одиннадцати тысяч гектаров, из них более семи с половиной тысяч занимает пашня. Земли нелепо растянулись километров на тридцать, тут поля и луговины бывших колхозов, о них напоминают доставшиеся совхозу десятка два деревень. Одна из них — Вележево. Когда-то здесь тоже был колхоз. Теперь

Вележево — одно из пяти совхозных отделений. И всю землю его дирекция отдала звену Николая Никитина — 1002 гектара. Почвы серые, лесные. Подзол. В звене шесть человек. Вместо бывшего колхоза. Шесть человек и тысяча два гектара. Шесть человек и шесть тракторов, четыре зерновых комбайна, сеноуборочный комбайн, а еще бульдозер и необходимые сеялки, бороны, культиваторы, плуги, разбрасыватель удобрений, стогообразователь... Не голыми руками берут пшеницу, овес, ячмень, гречиху, кукурузу, клевер с тимофеевкой. Подряд оформлен юридически. Вот святая святых — договор. «Мы, нижеподписавшиеся, администрация совхоза в лице директора Науменко М. Я., с одной стороны, и звеньевое звено на полном сенообороте Никитина Н. Н., с другой стороны, заключили настоящий договор...» Землю они, нижеподписавшиеся, знают, Вележево — их родина, здесь прошло детство Николая Никитина, Ивана Гераськина, Александра Шмидта да и Николая Николаевича Никитина-старшего... Николай Кириллов и Анатолий Борсук тоже не дальние, рядом родились, и земля эта — их земля.

Николай Николаевич Никитин-старший отсчитал полвека — он тракторист с 1949 года. Звеньевой — его сын, Николай Николаевич-младший; пробовал после службы в армии прижиться в Кашире. Что-то не получилось у него там; да к тому же есть у Никитина фамильная страсть — охота. Так и вернулся в Вележево; дали трактор, потом был механиком, приняли в партию, недавно совхоз дом предоставил. Теперь вот второй год единовластно владеет еще и землей и всей техникой совхозного отделения. Жизнь неожиданно обернулась иной стороной — привлекательной, то есть каждодневным делом и неутолимым интересом проявлять себя в самых неожиданных хозяйственных ситуациях.

В звене все остальные старше звеньевского, но от каждого из пятерых исходит уважение к нему, в том числе и от Никитина-старшего. «Сын — это надо понимать»... А если в чем затруднение, сомнение — товарищи рядом и отец рядом — партгруппорг великолепной шестерки, его слова тоже решающие. Ну, а дома, когда в обсуждение проблем вступают женщины, — парламент, иначе не скажешь!..

Звеньевой всех слышит, да он себе на уме и пока не ошибался.

В отличие от прошлых лет механизаторы, взявшие подряд, как оказались, знают, как и что им делать.

Как сработало звено Никитина в прошлом году — первом в новой жизни коллективом? Земля Вележева еще в недавнем прошлом давала всего-навсего по пять — восемь и только в лучшие годы по двенадцать центнеров зерна с гектара. Звено Никитина, несмотря на дожди и холодное лето, намолотило по двадцати одному центнеру на круг.

Экономист Валентина Алексеевна, человек хотя и зараженный идеей сельского подряда, беспристрастна во всем, что касается хозрасче-

та. Так вот, она подтвердила, что шесть человек на полях Вележева заменили десятки людей. За счет более заинтересованного, а значит, и более производительного труда они сэкономили десять тысяч человеко-часов, выполнив в поле работу, посильную лишь одиннадцати механизаторам эпохи шедльщины. Звено Николая Никитина произвело гору продукции — в 2,2 раза больше того, что планировалось. Производительность труда, например, на силосных культурах сразу возросла в четыре раза! И вся продукция всех полей досталась совхозу дешевле. Каждый тракторист работал буквально за двоих: в среднем нагрузка на совхозного тракториста составляет девяносто гектаров, а член подрядного звена обрабатывает сто семьдесят гектаров. После такого результата, объявленного всему совхозу, притихли те, кто кричал: «Эвона, сколь им денежек выложили!..» Да, заработки хороши. По полтыщи на месяц пришлось. Да ведь на рубль, выплаченный звену, произвели продукции на пять рублей! На пять рублей и двенадцать копеек. Вот такое уверенное было начало: первый блин, да не комом.

В совхозе имени XVII партсъезда теперь на единый коллективный наряд работают механизаторы второго отделения — в Жежелныке, где дело возглавил Владимир Толстов; и еще два звена, которым совхоз отдал «на откуп» весь картофель, — это звенья Геннадия Лоскутова и Юрия Бузина. Говорят, что в будущем году самостоятельность хотят проявить еще несколько человек — добрый пример заразителен. А главное, все работающие люди поняли свою выгоду. И тут лучшими агитаторами за подряд стали жены, хотя именно они, жены механизаторов, были поначалу против новшества, потому что к оплате «от колеса» привыкли как к достаточно надежному источнику доходов. Подряд — это расчет с работником только 25 декабря, аж в самом конце года. А год на год не приходится. Сразу старшая в клане Никитиных, мать и бабушка Ирина Андреевна, напомнила: «Подрядами люди и богатеют и разоряются». Немалого труда стоило уговорить на «эксперимент»: пожить год на авансировании. Не один день ушел на уговоры, пока оба Николая Николаевича не дали добро: берем Вележево! Семь бед — один ответ. Иваньково заулыбалось, захмыкало: «Диво дивное, мужики на себя ответ взяли. За целое отделение! Исхитрился директор Науменко, спихнул на дурных неродящую землю»... Так говорили по избам и даже похлестче: «Колхоз в совхозе. Ну и помесь... Не помесь, а поместье. Никитиных!..»

И вот стоим с Николаем Николаевичем-старшим возле поля пшеницы. Тяжелые волны ходят ходуном. Никитин-отец молчит. Наверное, понимает, что тут произошло. Неродящая земля, которую пахал еще его отец и сам он пахал тридцать лет и три года, впервые держит такой мощи хлебостой.

— Вон какая она. А сомневались... Поздний сев по занятому пару.

Понялся я, таскал, таскал культиваторы, бороны, катки. Тяжело досталось. Поздно сеяли, а все же она поняла...

Она — земля, пшеница?

И еще старший Никитин объяснил: «Нельзя рассчитывать, что придет человек со стороны. Свои не сказали последнего слова, только условия дай!»

Подряд — проявление коллективизма, труда артельного, труда равных, тут особенно сильно кооперативное начало. Кооперируются мастера. Договорились — стаж, классность и КТУ не учитывать. Работа на один котел. И еще обязательна кооперация этих мастеров с руководством, со специалистами совхоза. Без этой связки нельзя. От специалистов исходит правда расчетов. Подряд — уговор, который дороже денег. Дирекция заранее объясняет объем работы и фонд зарплаты, а главное, аккордные расценки, аккордную оплату за реальную продукцию. Отступишь от уговора — скомпрометируешь новое во взаимоотношениях тех, кто выполняет Продовольственную программу. Так что о «моде на подряд» в Иванькове и речи не было. Так диктует жизнь, земля так велела.

— С чего начали? — переспросила меня экономист Валентина Алексеевна. — Нужда заставила. Судите сами. Иваньково наше когда-то было райцентром, шумело село, а базар какой!.. И вокруг два десятка колхозов. Потом район расформировали, колхозы обезлюдели, теперь вот совхоз. К началу десятой пятилетки в совхозе была тысяча работоспособных, сейчас вдвое меньше. Жители деревень перебираются в Иваньково, остается все больше дальних полей. Убыток вы уже записывали. Ныне впервые планируем — хоть небольшую — прибыль. Вот такая жизнь заставила обратиться к опыту подрядных звеньев. Выбор пал на Никитина, то есть на младшего. Это семья известная, работающая. Отец и сын — коммунисты. Честные, технически грамотные. Как-то возвращались из экскурсии в Серебрянопрудский район Подмосковья. Там работу по одному наряду изучали. И вот на обратной дороге в автобусе Валентина Дмитриевна, секретарь наш партийный, подзадрила Колю: берись! Ребята загалдели: а что, сами себе хозяева! Никто не указ... Посмеялись, а боязно решиться. По команде работать привыкли. С тракториста какой спрос? И другое. Никитины, бывало, в страду по триста и больше рублей (в пересчете на месяц) приносили в дом. Мнилось долго им, особенно Ирине, что потеряют мужики в зарплатке.

После окончательного расчета за 1982 год звеньевой с ходу купил себе автомашину «Жигули», а член звена Иван Иванович Гераськин — «Ниву». Нехорошо считать чужие деньги, но каждый от души поработал на подряде, принес домой к 1 января 1983 года по три тысячи рублей. Столько им доплатил совхоз за конечную продукцию.

— Было трудно, да и сейчас еще нелегко, — рассказал первый секретарь Ясногорского райкома партии Евгений Васильевич Богачев. — Я

как-то остался на смену в поле с отличным механизатором Юрием Князевым. Он пахал на «Кировце», попробовал и я пахать. Не сразу, но освоил машину. Дело пошло, вошел во вкус. И разговор у нас получился. Было еще светло, когда Юрий сказал: «Шабаш. Глушите двигатель». Что так? А все, говорит, мои часы вышли. Смене конец. Но солнце-то вон еще где! Тракторист объяснил: мол, не старое время, не по солнцу работаем. Он на зяблевой пахоте зарабатывал тогда по двадцать рублей в день. И убеждал, что ему хватит вполне. Он, мол, не жадный, а всех денег не заработаешь. Но сроки уходят! Агротехника диктует! Земля плуга ждет, семян! От зяби урожай будущий зависит... Нет, не убедил я в тот раз Юрия. Нынче он лучший звеньевой подрядного звена в нашем районе. Лидер!

Очень интересно рассказывал секретарь райкома о том, кто и как пришел к подряду.

— В одном селе жил-был да и сейчас живет прекрасный механизатор, самородок, на все руки мастер и очень авторитетный человек среди своих. В том селе был прямой смысл создать подрядное звено. Поговорили с механизаторами, выяснили, что никто не против... Ставим на голосование этот вопрос, а руку ни один из согласных не поднял. Оказалось, что все следует примеру того самого классного механизатора; он, по существу, определил поведение остальных. Еще раз поговорили с каждым и снова убедились, что смысл новинки понимают. Еще раз собрали народ голосовать, и... снова никто руки не поднял. Выяснилось, что жена необъявленного лидера работает бухгалтером, она-то и вела дома контрагитацию. Посмеялись мы этому открытию, и собрали тех же механизаторов без их кумира, авторитета.

Все подняли руки, бригаду сформировали. И вдруг слышим, что бухгалтер, узнав о подряде как о свершившемся факте, бросилась домой! Что там у них было, не знаю. Только через некоторое время принесла женщина заявление от лучшего в хозяйстве механизатора; прошу, мол, меня принять... Сам не пришел. Гордый...

— Не все родились лидерами. Но хозрасчет сразу дал понять, кто есть кто... Мы ведь как раньше поступали? Сами назначали и механиков, и звеньевых, и бригадиров. У народа не спрашивали. Подряд учит другому. Есть прекрасный тракторист, точнее, механизатор широкого профиля, труженик, каких мало, Шевцов, передовик района, а вот возглавить звено не сумел. Один в поле воин! А вести дело, хозрасчет от имени звена не сумел, не дано. Еще больше других примеров, когда звеньевые и бригадиры, как только их кандидатуры ставили на голосование, лишали своих престолов. На их место механизаторы безошибочно избрали подлинных вожakov...

Короче, из семи пионеров-звеньевых, подобранных руководством, троих народ решительно переизбрал.

А что думает директор совхоза Михаил Яковлевич Науменко? Директорства его никто не отменял. Ему за все ответ перед государством держать. Михаил Яковлевич молод, энергичен, учится в институте заочно, так что не чужд идей самых новых, прогрессивных.

— Я сделал основной для себя вывод — не мешать тем, кто в поле. Соблазн велик!.. Не мешать — важнейшее из условий. Помогать — да, всемерно помогать. Техნი́кой, семенами, удобрениями, горючим, запасными частями... Работы всем нам, администрации, специалистам прибавилось. Вдвое! Нет, мы не отдали землю на откуп. Мы не сняли ответственность с себя, подписав договор о подряде. Напротив, мы взяли на себя обязательство обеспечить технически и организационно звенья Никитина, Толсто́ва, Лоскуто́ва и Бузи́на. Обеспечить — трудное дело в наше время, когда буквально все лимитирует...

Итак, первое — не мешать людям проявить себя единовластными хозяевами севооборота. Второе условие — загодя, зимой подготовить коллективные наряды, то есть все технологические карты, всю бухгалтерию. Все расчеты согласованы, приняты и обрета́ют силу закона. Ох и соблазнительно бывает перебросить трактор, взять человека, настоять на своем! Не позволяю себе такого. А коли нужда общесовхозная, то не прикидываю, а п р о ш у вено...

Прежде чем явный успех пришел к подрядным звеньям, тактику и стратегию разрабатывали долгими зимними вечерами экономист, местная уроженка Валентина Алексеевна Манерова, и главный инженер, тоже местный, Валентин Сергеевич Бычонков, главный совхозный агроном Юрий Васильевич Колосов.

— Люди верят бумаге, так уж приучены, — заметила Валентина Алексеевна. — Поэтому особое внимание — оформлению долговременной документации, расчетам. Я даже на полях технологических карт проставляю не расценки, а уже сумму аккордной оплаты за работу, выполненную по договору и к сроку. Мне коллеги пеняют, зачем, мол, такие «авансы» выдаю? Они же потом стребуют!.. Не беда, отвечаю. Человек труда не вникает в нашу алгебру, он хочет знать окончательный расчет.

Простота системы оплаты — главное во взаимоотношениях с исполнителями. Они должны знать финиш марафона длиною в сельский год. С ними, механизаторами, только в открытую! Малейшую фальшь они чуют.

Евгений Васильевич, районный секретарь, еще и так сказал: «Принцип — дать землю и технику тем, кто хочет работать. Хочет и умеет».

Валентина Алексеевна подвела под этот принцип научно обоснованный фундамент:

— Желая́щим надо помочь. Хозрасчетное задание должно быть обоснованным. Обеспеченным материально и реальным. Не с потолка,

не по шучьему велению... Сами механизаторы нас поняли, когда мы ввели лимиты на горючее, на запчасти, на удобрения. Перерасход в любом виде теперь ложится на звено. Они избегают брать подмогу, лишнюю технику. Даже от лишних запчастей отказываются! Боятся перерасходов...

Совхоз, помня интересы государства, взял под контроль зарплату. Горючее — тоже под контроль. Запчасти — под контроль. Хозрасчет — обоюдоострая штука в этом смысле. Обоюдообязывающая. Отныне выгодно быть рачительным, умелым, совестливым. Выгодно там, где ростки подряда крепнут при любой погоде. А губят их, эти ростки, в тех районах, где руководители страшатся дать хозяйственную свободу исполнителям. Где самоволие путают с инициативой, а предприимчивость называют «спекуляцией». Где нет «моего» — повсюду вульгарное «наше».

Был в поле под Вележевом такой случай. Из года в год через посе-вы пшеницы ходили тяжеленные лесовозы соседнего лесхоза — напрямую; так уж повелось, не хотели водители тягачей с прицепами делать крюк. Но в один прекрасный день, когда семена легли в землю, отданную звену Николая Никитина, перед лесовозами стал человек. «Чего надо? Убирайся!» — озверел водитель. Человек не дрогнул. Он предупредил: «Забудь эту колею. Не позволю. Никогда. Никому». Водитель хотел было отбросить непонятого упрянца, но у того в руках была монтировка: «Фары побью. Разворачивайся на дорогу. Поле топтать не позволю».

— Да что за поле такое особенное?

— Мое поле.

«Мое поле», — ответил Николай Никитин-младший. Мое поле — и весь сказ. А когда есть хозяин у поля, оно это каким-то образом понимает, оно тогда живет вольготно и благодарно.

На станцию меня провожал Николай Николаевич Никитин-старший. Старый солдат, старый пахарь, он шагал не по возрасту ходко. И хорошо мне на ходу думалось о праве победителя быть не удовлетворенным ни собой, ни ценой победы.

*У Победы была голова
И над ней два победных крыла.
Не сносила она головы.
Только крылья, как прежде, белы!
Из-за мраморной белой спины
Поднялись, как и прежде, сильны
Два победных красивых крыла.*

*Жалко, что голова не цела...
Безголоса, глуха и слепа;*

*Ни к чему ей врагов черепа.
Плачет сердце под левым крылом
О своём, о живом, о земном —
О потерянной голове,
О судьбе и о мертвой траве,
И о том, что солдаты правы:
— Как живая, да нет головы...*

*А была бы она, голова,
Так иначе пошли бы дела.
Ах, была б у Победы она, —
По-другому жила бы страна.*

1983 г., июнь.

САМОСТОЯНЬЕ

Мой взнос в кооператив землевладельцев

На тамбовской земле — с р е т е н ь е, встреча зимы и лета. Дорога к Боголюбску светла от раннего солнца. В низинах державные накопления снега: вот-вот сойдут великие воды.

— Прислали нам человека, а у него за душой ни апатии, ни инерции, одна только ситуация. У нас в деревне таких, невесомых, своих много. Для них что иллюзия, что навоз. Кувыркаются в парах инфляции, а к земле гравитация прямо никакая...

Анекдоту смеялись. Часа через полтора показалось занесенное снегом Старо-Сеславино. Там в колхозе «Большевик» было назначено в тот день отчетное собрание. Годовое, обычное дело — правление отчитывается перед колхозниками, колхозники отчет должны всесторонне обсудить и решить: быть правлению в том же составе или не быть? Так что иногда отчетное превращается в перевыборное; поэтому шутки шутками, а напряженность ощущаешь в такой день и в конторе, и в клубе. Колхозный У с т а в дает право выбрать, именно поэтому его, колхоз, и называют демократической ячейкой общества, животворной клеткой, хранящей в своей памяти немало примеров волеизъявления.

Дорожный анекдот о человеке присланном отражает давнишнее отношение деревни ко всему, что со стороны. Вот и лексикон изменился, а ирония неприятия осталась. Осталась реакция на отношение к селянам как к якобы нуждающимся в руководстве со стороны. Известно, что говорил Ленин на VIII съезде РКП(б): «Крестьянину, который не только

у нас, а во всем мире, является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, приехали, покаялись, учинили несколько интеллигентских, а то и не интеллигентских склок и, расплевавшись, разъехались. Это бывает. Вместо уважения, они вызывают насмешку, и совершенно законно.

В селе ценят как советчика только того, у кого нет апатии к болячкам нынешнего крестьянства, кто в село едет не с инерцией старого мышления, — кто подвластен закону притяжения земли. «Задача здесь сводится... к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянства, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не с м е т ь к о м а н д о в а т ь!» Сказано Владимиром Ильичом делегатам VIII партийного съезда весной 1919 года. Весной потому, что крестьянская Россия должна была до посевной узнать, как к ней относится Советская власть, будут ли их, крестьян, «орабочивать»... Тогда же на съезде прозвучал — после прекращения прений! — голос делегата с Харьковщины Ф. Д. Панфилова: «Разрешите протест против товарищей, которые не дали высказаться ораторам из деревни (голоса: «Присим!»)». Панфилов говорил о том, что нужно обращать внимание на интересы крестьян, знать их психологию. Владимир Ильич, признанный вождем мирового пролетариата, нашел во время перерыва крестьянина и сфотографировался с ним, чем, думаю, выразил еще раз свое отношение к крестьянству — кормильцам страны, к праву мужика решать по-своему даже тогда, когда слова не дают, когда «декретов» и инструкций много, а работа не продвигается» (тот же Панфилов).

Проблемы государства и революции, революции и демократии волновали, требовали четкого понимания, решать их пришлось в огне, а в огне бродя нет.

После анализа Марксом опыта Коммуны еще и полвека не прошло, а Ленин в 1917 году писал: «... теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм». Ленин отстаивал право социалистического государства на движение, на развитие. Для него важно было выяснить и других в том убедиться, как бесконечно лживо обычное представление, «будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле т о л ь к о с социализма начинается быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии б о л ь ш и н с т в а населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни». Поразительное провидение. Сегодня каждое из этих слов обжигает полным соответствием курсу, намеченному XXVII съездом партии. По-новому воспринимается, точнее сказать, акту-

ально, более того, приземленно ныне воспринимается заблаговременная борьба Владимира Ильича с «суеверной верой» в государство и суеверным почтением к нему, да и у ренегата Каутского он обнаруживал все то же: «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм. Суеверная эта вера в бюрократизм, отработанный как система управления, еще до войны и особенно в застойные годы, привела к тому, что куда ни кинь — всюду клин, всюду дефицит. Например, нет мяса, нет молока в городах, а кто их должен городу давать? Казалось бы, при дефиците крепнет власть производителя? Крепнет власть колхозов, села, ферм? Ничего подобного! Их заинтересованность в планы не входит.

Без нового прочтения давно читанного не понять, почему в статье «О кооперации» Владимир Ильич Ленин написал именно так, как написал: «...кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом». И, может быть, главное: «...и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм». А выше: «В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно...» Почему? Владимир Ильич тут же объяснил: «...потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов».

...Для многих и многих «скоропалительных», о которых говорил Ильич на съезде партии шестьдесят восемь лет назад. «Скоропалительные» до головокружения забывали, что Россия, советская Россия еще долго оставалась страной крестьянской, морем мелких хозяйств, на которое бесполезно наскакивать с легкостью кавалерии, с которым предстояло преобразователям социальной природы ужиться, сработаться, одолеть все косное, все консервативное в психологии и экономике. От того и восприняли сегодня оставшиеся жить и работать в селе от схода снегов, наметенных в годы администрирования, управления нашим сельским хозяйством с позиций силы, бесконечных указаний, как жить, что сеять и вообще пахать ее, землю, или не пахать вовсе. Нет нахальнее, нет цепче сорняка все той же достопамятной «суеверной веры» в бюрократизм, в силу указующего перста, когда районщик, тот, что якобы без «апатии и инерции» подменял здравый смысл работника на земле, давно переставшего быть крестьянином, то бишь хозяином поля и скотины. А тем не менее ветры демократизации согнали снега, вскрыли реки, ускорили сокодвижение в старых стволах невымерзших яблонь. Закон жизни.

Итак, колхозное собрание. Одно село. За стенами старенького, без архитектурных и прочих излишеств (фойе плюс зал) клуба — область, а именно Тамбовская область, в которой таких или примерно таких хозяйств чуть более четырехсот двадцати (колхозов двести восемьдесят шесть). Урожайность зерновых — конечно, средняя — всего-то пятнадцать центнеров с гектара, или 8,3 центнера зерна на гектар пашни. Мало; а может быть, и неплохо по только что минувшим временам? Нет, все-таки мало, меньше тонны с гектара пашни... Меня волнует, а колхозников? Да и знают ли они о результатах общественного труда на земле, на фермах, в мастерских, в садах? На пчельниках? В урочищах? Умный директор совхоза в Новой Ляде В. В. Исаев сказал мне: «Если человек говорит «наше», я сержусь. На селе без чувства «мое» нельзя, прогодишь...»

Когда-то герой есенинской поэмы взывал: «Послушай-ка ты, беззаботник, про нашу крестьянскую жисть!»

Нынче «беззаботников» даже в городе все меньше, о «крестьянской жисти» — каждый всесоюзный форум, точнее, о проблемах сельского хозяйства; любой горожанин знает о нэпе и распахке гигантского клина земли полновластными ее хозяевами, о товариществах по совместной обработке земли, о годе «великого перелома», о мечте о ста тысячах тракторов, о внедрении кукурузы, о страстях коллективизации и «перегибах», о поднятой целине, о сентябрьском (1954 года), мартовском (1965 года), майском (1982 года) и совсем уже близких к нам по времени Пленумах ЦК КПСС. Благополучие села давно забота всенародная.

Колхоз только сегодня получил возможность жить как кооператив. Хотя всегда считался и вроде бы признавался как форма кооперативной собственности. Но форма вторичная, второсортная. Почему? Собственность не государственная, да и кооператива не было; было коллективное хозяйство — не хозяйствование! С годами, постепенно колхозник не стал отличаться от наемного работника, да и правление колхоза, и даже председатель роли хозяев не играли. То было время расцвета администрирования на селе. И только теперь возникло естественное желание участвовать в строительстве экономики родного колхоза. Так след в след за коллективным подрядом, за семейным подрядом, за договорными отношениями со своим же колхозом пришла потребность рассматривать коллективное хозяйство на селе как кооперативное. Где каждый член

кооператива — хозяин, а не работник. Но в Тамбове меня остудили: не ищите разницы между колхозом и госхозом. Не уловите!

Жаль. Но такова реальность.

А может быть, пришло время сплошного кооперирования!

Сельскохозяйственный кооператив, а р т е л ь на подраде — это ли не обновление замшелой формы собственности! Товарищество! Хорошо звучит, по-русски.

Дебаты будут

У председателя правления Анатолия Егоровича Зацепина это пятнадцатый отчет (в «Большевике» — пятый). Перевалило за сорок лет, образование агрономическое, наград никаких (самый памятный день в жизни тот, когда бюро райкома партии сняло сразу восемь выговоров). Твердый и тертый человек, от земли, никаких иллюзий. Перед собранием во рту пересохло, подскочило давление, был внимателен ко мне, но рассеян.

— Волнуетесь?

— Нет. Высок перепад атмосферного давления. На дворе — весна. Тепло неожиданно навалилось, берегись половодья...

Ждал я, что у отчетного доклада будет философская преамбула в свете дня — перестройка, потенциал кооперирования на селе как такового, противостояние агропромышленного объединения любителям администрировать в районе... Куда там! Анатолий Егорович был настроен мирно, а я тут открыл первую страничку «Типового положения о районном агропромышленном объединении». Читаю: «...является... звеном в системе управления агропромышленным комплексом, осуществляет управление непосредственно подчиненными ему предприятиями и организациями, а также координирует деятельность других предприятий и организаций...» Ни тебе слова «колхоз», ни тебе слова «совхоз», сплошь «предприятия», никакой там к о о п е р а ц и и, да и слово «объединение» в этом контексте не объединение, а звено в системе, орган управления в районе. Стало быть, учреждение? Да так и записано вполне типово: «Объединение в соответствии... осуществляет государственное руководство колхозами...» Плоды руководства колхозами налицо. Объединение тут звучит как орган управления, а не как о б ъ е д и н е н и е всех интересов и средств для лучшей жизни в районе.

Семнадцать лет назад Анатолий Егорович пришел в Старо-Сеславино, только снег сошел, войлочные ботинки налились водой, сориентировался в незнакомом селе на флаг — там сельсовет. Внимательная старушка не ответила, где правление, зато указала, как дойти до третьей бригады, где в сараюшке всегда на месте живой человек; и правда, в мастер-

ской слесарил молодой тогда Серков. И вот в самом начале доклада председатель Анатолий Егорович провозгласил, что сегодня уважаемому токарю и вообще мастеру на все руки, преданному активисту Владимиру Максимовичу Серкову исполняется шестьдесят лет. И правление колхоза «Большевик» ходатайствует перед общим собранием членов присвоить ему высокое звание «Заслуженный колхозник».

В селе, как нигде, самые обычные дни на глазах складываются в строки истории с тысячами комментариев; потому что все люди и все их поступки тут на памяти всех. Серков был всегда, сколько люди помнят колхоз. Он первый не побоялся работы с железом, металлом, со станком — без него ни вспахать, ни сжать, ни обмолотить...

В президиуме — члены правления, товарищ из района. Кроме членов правления, за столом с красной скатеркой сели дед Каширин Иван Александрович, заслуженный колхозник, председатель сельсовета Евгений Федорович Стоякин, директор школы Раиса Васильевна Попова, председатель совета РАПО Таймураз Габуев...

Мое и наше

В докладе с болью еще и еще раз говорилось о том, что всем здесь известно: когда-то, лет тридцать назад, в селе проживали двенадцать тысяч душ, а нынче раз в пять меньше... Трудоспособных чуть больше четырехсот, а земли меньше не стало.

Благодаря решению партии и правительства год закончили с прибылью, сказалось повышение цен на продукцию. Годовые задания и по зерну и по картофелю перевыполнили. Задания по мясу и по молоку тоже перевыполнили. Колхоз все подписанные договора выполнил, а безобманные отношения дорогого стоят!

Население помогло колхозу с молоком: продало в его счет более тысячи шестисот центнеров. Со своей стороны, колхоз поступил сознательно и продал нынче колхозникам сена, чего давно не помнят. И с этим принципом взаимной услуги связано то, что колхоз вспахал все пары и всю зябь! А растениеводство в отчетном году дало шестьдесят шесть процентов рентабельности. И такого никто не помнит.

Два звена на подряде — Жабина и Порошина — вырастили в есь картофель, у них производительность по сравнению с недавним прошлым выросла сразу в два с половиной раза. А инженеры помогли три четверти картофеля убрать комбайнами. И впервые не осталась картошка под снегом...

Чудеса на плантации подсолнечника творил и творит Алексей Иванович Бредихин, он один в поле воин, вырастил нынче подсолнечник

без ручной помощи и дал небывалую прибыль — более ста сорока тысяч рублей.

Зал восхищенно загудел. Голоса: «Бредихин, требуй Героя!.. Поделись, Алексей Иванович, прибылью!.. Делиться надо опытом!»

Председательствующий, главный экономист Иван Федорович Попов, навел порядок, поднялся, улыбнулся знакомо — и воцарилась тишина. Его любят.

Зал вслушивался: озимая пшеница по индустриальной технологии дала почти сорок центнеров на круг, а ее средняя урожайность на первом отделении — 26,5 центнера, в среднем по колхозу меньше двадцати четырех... Лето выдалось на редкость сухое, а без хлеба не остались; но разница в урожайности кричит об упущениях. Все слушают анализ правления: кто, где, когда потерял зерно? Разница в его урожайности между первым и вторым отделениями составила семь центнеров в пользу первого.

Голос: «Шипилов против Шипилова — кино надо снять!»

Раньше не волновало, кто и почему впереди, а теперь как-то не по себе, одни стали работать, а другие все еще не поняли, какое время.

Председатель залу: — Потерпите, кончаю!.. Много молока продали первосортным — это благо, и четыре тысячи рублей правление отдает дояркам как заслуженную премию. Но факты печальные такие: удой постыдный, ниже, чем в предыдущей пятилетке, и не только корма виноваты... Нет до сих пор охлаждения молока, а это убытки. Нетелей, проданных колхозом, в иных местах уже через год-два выбраковывают. А мы их продаем как классных...

Мало еще хозяев в колхозе. Отопление бесконтрольное, перерасход топлива, как и кормов, выше разумного. Свет иногда горит и днем... А считать надо каждый болт, каждую гайку...

Шумят в зале — то ли одобрительно, то ли нарастает волна встречных претензий?

— Может, вам кинуть туда микрофон?

— Давай, мы скажем!..

Муху было бы слышно, когда докладчик заговорил о заработках. Ахнули, среднемесячный заработок у механизатора на подряде Гусева — 388 рублей. Каждый механизатор на подряде зарабатывал за день почти по тринадцать рублей. И это только начало, потому что придавила засуха; и не все еще отработано в системе агросервиса. Всем, кто был на коллективном подряде, правление отдает четверть сверхплановой продукции.

— Рублями?

— Нет, товарищи, натурой.

Аплодисменты. И еще похлопали, когда объявил Анатолий Егорович, что первому отделению начислили триста центнеров зерна бесплат-

ного. Зал на одном выдохе вычислил: центнеров по семь на человека! Я подивился этому коллективному компьютеру — живому. Ах, как много упущено страной в годы, когда с ним, живым, не считались!.. В колхозном клубе — модель того самого народа, о котором столь давно и много пекутся политики и публицисты. Зал, набитый до отказа колхозниками, независим в суждениях, кто бы ни сидел на сцене. Он то безмолвствовал, то кричал — тоже суждение, то взрывался смехом или безразлично гудел, попробуй улови почему... На все своя реакция; генетически унаследованная независимость мужика — независимая от всех властей, кроме одной — власти земли. Да, иногда жизнь в селе была тяжелой такая, что слабый уходил в стан тех, кто с ложкой. Но хоть один «с сошкой» да оставался, был верен земле. Со своей сошкой навсегда остались в селе Алексей Бредихин, Владимир Серков, Владимир Жабин, Николай Гусев (сорок лет за баранкой), Мария Шипилова, Валентина Моисеева, Мария Бредихина, Николай Козлов, Гусев — но теперь Владимир, и еще Шипилов, и еще одна Жабина... В Старо-Сеславине много однофамильцев — и в поле, и на плитах скромного памятника не вернувшимся с войны. Их, оставшихся здесь жить, беречь надо, лелеять, их все меньше, помнящих о связи человека с полем. Хорошо сказали на собрании об экономисте Попове: «Иван Федорович — наше национальное достояние!» О народе как национальном достоянии говорил В. И. Ленин в канун нашего Октября: «Надо втянуть м а с с ы в обсуждение вопроса. Надо, чтобы сознательные рабочие взяли дело в свои руки, проводя это обсуждение и оказывая давление на «верхи».

Анатолий Егорович мне сказал:

— Я навидался, чем кончается смелость хозяйственника, чем кончается социалистическая предприимчивость... Плохо кончается. Теперь гласность, и злопыхатели строчат анонимные доносы; так я и пальцем в смысле строительства хозспособом не шевельну. Нужен закон!

— Так будет!

— Нет, закон о предприятиях узаконит права заводов, объединений, совхозов. А мы все же кооператив. Нам бы нужно обновить наш Устав, нужен четвертый съезд колхозников. И дать нам статус кооператива, действующего автономно.

Прения

Между Госпланом с его облпланами и теми полями, которые здесь (каждое имеет собственное имя), дистанция огромного размера. И не километрами она измеряется. «Журавлев пчельник», «Дальний» или «Крутой», тоже пчельники, как повелось у сеславинцев нарекать угодня, «Штаны» или «Медвежье», а то «Гришино урочище»... Тайна за семью пе-

чатами для приезжих, будь они хоть агрономы или уполномоченные. А для Бредихиных, Жабиных, для Шипилова-первого — родина.

Как много нового в лексиконе выступавших: «индустриальная технология», «коллективный подряд», «чековая книжка», «станочный парк», «хозрасчет»...

— Какой же это хозрасчет, если правление за наш счет справляет свою нужду? — На темпераментный вопрос бригадира животноводческого комплекса Марии Ивановны Шипиловой зал отозвался хохотом, а выступающая объяснила: — Чековая книжка нам очень помогла, во всем теперь экономия, только один перерасход — по текущему ремонту. Почему? Да потому, что старорежимные умники нам, животноводам, приписали работу на восемь тысяч рублей! За то, что дорожная бригада развезла всем известные кучи щебня по полотну!.. Где буксовали, теперь нет колдобин; зато свалили на животноводов восемь тысяч... Я считаю, правление колхоза нарушило договор!..

— Пусть платит неустойку!

— Так их, Марья! Требуй в тройном!..

— А почему привесы меньше? Правление кормами не обеспечило в договорном объеме, но пастухи наши и сегодня здесь молчат...

«Животноводство — зеркало хозяйства» — афоризм главного экономиста Попова. Так что кормодобывание — главное в стратегии, а летние лагеря для скотины — главное на этот год в тактике. Шесть лет комплексу, но до сих пор не довели до ума. Молчали члены правления, когда с трибуны их спрашивали, когда же свиноферму построят. Пока только полы перестелили в старой — вот и вся модная нынче реконструкция. «Нужно для людей делать, — говорил Сергей Павлов, — тогда падежа поросят не будет. Нужна двухсменка на ферме, трехразовое питание, улучшить условия труда...»

Голоса из зала:

— К нам семинар не пустили, потому что краснеть за комплекс пришлось бы.

— Мудрый наш учитель, завуч Иван Иванович, призывал тут детей наших привлекать к уходу за скотом, а если они там потонут?

— Сам дорогой председатель на комплекс ездит на «Кировце».

— Зато не краснеем за детский сад! Его нет в колхозе.

— Как нет? Я давеча заглянула в садик, там детки по трое на раскладушечке...

— Председатель, сделай запрос на девчат! В селе сто сорок неженатиков!..

— Не надо нам девчат, вдруг дети пойдут, а сада нет как нет!..

— Внимание: в село приехали двести человек, — отличная информация со сцены.

— А уехали за ту же пятилетку тысяча двести, — поправка из зала.

В семье не без критиканов, есть свои «апостолы гласности» и здесь, это экс-пастух мирского стада: часов шесть доносились его выкрики. Потом с трибуны сделал запрос: «Тишкин дом купили, а зачем? Писать буду!..»

— Пиши, кляузник, пользуйся!

Работы впереди гряда. Нужны дороги — проекта нет. Построили правление колхоза, картофелехранилище, купили несколько домов для вновь прибывающих, а с детским садом затанули. Начали было взлетную площадку делать для сельхозавиаторов — банк приостановил работы. Построили с горем пополам мастерские, но там столько недоделок. А строители районные ушли, теперь комиссия за комиссией; правленцы что-то пытались объяснить собравшимся, но те одно поняли: мастерские есть и мастерских нет...

— Дайте уголь! Старушек сколько одиноких по избам, а топиться им нечем... Пятьдесят четыре души одинокой! Хотя бы Иван Иванович наadouмил школьников обойти их...

— Напилите тёса! Как для чего? Для гробов! Не смейтесь, я не о себе, о вас думаю! Гроб — дело житейское, а заботы нет...

— Село любим, а репы торчат выше крыш!..

— Двадцать садов брошенных, пустующих... Стыдно! А ведь яблони живые. Как сироты...

— Люди добрые, — взывала баба Настя, когда-то фронтовичка, теперь старая, смешная, путается под ногами. — Люди! Защищать надо председателя, ночь-полночь едут к нему «Волги», объедают его, опивают так, что зарплату не хватает!

— Дайте жилье Нелле Владимировне!

Нелла Владимировна Клычникова — баянист, она тут же, играет «туш», когда кого-нибудь величают за успехи в труде. А живет где-то у черта на куличках и потому никакой почти работы в клубе.

На трибуне молодой человек, настроенный яростно:

— Вот тут призывали молодежь к активности. Любите село! За что? Уезжают, да! Почему? Я отвечаю. Я окончил институт на вашу стипендию, я вернулся, потому что я ваш должник. А других не удержите! Экономические условия хуже тех, которые по телевизору каждый вечер видим. Духовной пищи тут никакой. Ни хора, ни оркестра, ни кружков. Одна работа, и ничего для души, для настроения и досуга. Разве это клуб? Понятно, когда-то и такого не было. Но важно другое, чтобы, кроме стен, было человеческое тепло, художественное содержание, а тут никаких мероприятий. Наше село стареет. А почему вы не оставляете наследников своему колхозу — детей и внуков? Потому что вы хотите, чтобы дети и внуки жили лучше, чем вы. Правильно?

— Правильно! — Володю Ершова помнят, его бабушка вырастила, а теперь будет агрономом.

— Да мы с вами самое большое село в округе! Но не самое красивое, не самое благоустроенное, не самое богатое...

— Ну, это еще посчитать надо!

Реплика из зала с намеком, ясным для всех. В селе Старо-Сеславине исстари занимаются выращиванием раннего картофеля. Усадьбенная невеликая земля дает огромные прибыли. В иных тамбовских местах традиционны махорка, лук, яблоки, а тут — ранний картофель. Тут что ни двор — ас, мастер высшего агропилотажа. Но традиция ни рубля не дает в колхозную кассу. Глупо, но традиционна и борьба с «частными» картофелеводами.

Во время перерыва, пока мужики курили, слышал:

— Почвы раскисляются, а извести нет, и агрономы молчат...

— Все картофелеводы, а семенной картофель для колхоза — проблема. Позор, как к опыту своих же относятся.

— Все автобусы объезжают село, как будто мы тут прокаженные!..

Район молчит, сельсовет молчит, а люди голосуют на дороге.

— Шесть газовых магистралей под колхозной землей, а газа ни-ни. Старушки замерзают, в домах газа ни у кого, хотя два года строители трассу тянули — над землей нашей издевались. Поля перерыли так, что механизаторы через соседей ездили, на горячем одном сколько убытков...

— Земля — соучастница жизни. Надо чтобы от земли был достаток. Тогда человек изменится.

Делу тормоз

Все, конечно, были рады сообщению, что прибыль перевалила за миллион рублей. Но не хлопали. Я недоумевал — миллионеры! Где же веселые глаза? Где уверенная поступь хозяев? Оказалось, что прибыль связана не только с хорошей работой лучших, но и с государственной надбавкой к закупочным ценам (плюс 952 тысячи рублей). Но главная печаль оттого, что банк, узнав о прибыли, тут же забрал ее. Как так? По какому праву? Дело в том, что колхоз как раз должен был государству миллион, а может, больше... Банк поступил противозаконно, потому что партия и правительство, решившись на повышение цен за колхозную продукцию, предусмотрели заранее возможные конфликты на местах и отодвинули срок возврата ссуд. Это было оговорено в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1986 г. № 358. Но давно известно, что работникам банка любой указ не указ, они издавна всячески тормозят естественное развитие экономики в селе, не способны гибко реагировать на природу этого развития, потому как функциям финансово-кредитного учреждения предпочитают функции контролера, стоящего якобы на страже интересов государства. А село тоже государ-

ство. На дворе другое «тысячелетие», всемерно все мы стараемся объединить интересы работающего в поле и на ферме с интересами государства, но банк и ныне там — там, где блудут, а не живут сообразно жизни. Вот почему общее годовое собрание колхозников обязало правление колхоза обратиться в Центральный Комитет КПСС за разъяснением своих прав как самостоятельной хозяйственной организации перед самоуправством районного отделения банка. Колхоз — это прежде всего автономия в хозяйственной деятельности, не надо путать с госхозами. В районе создано РАПО, — но и объединенная теперь экономическая сила никак не пересилит волонтаризма банковских служащих. Куда же податься бедному крестьянину, получившему впервые в жизни 1 (один) миллион рублей? Миллион этот не в кубышке, а в госбанке, но банк слизнул, как корова языком, семьсот тысяч. И этого собрания не дождался. Прости-прощай пункт 32! А ведь с самими финансистами поступили по-современному, по-человечески: «В связи с этим (отсрочкой задолженности на 10 лет.— Н. Б.) уменьшить соответственно Госбанку СССР план прибыли на 1986 год». Так они деньги прошлого года, переждав новогодие, хапнули в наступившем 1987 году. Вот почему колхозники отослали в Москву коллективный вопрос по ходу жизни: можно ли не считаться с Уставом колхоза?

Заявил же сто лет назад некто Глумов, подсовывая трактат на подпись:

— Всякая реформа вредна уже по своей сущности.

И был понят, был обласкан...

О чем не говорили на сходе колхозники? Почему не говорили? Велика яловость — треть коров гуляют пустые, и об этом молчок. Не волнуется («Да у нас полтора ста мужиков холостых — вот что волнует!»)? Удои в колхозе «козьи», а у колхозников — у большинства, кто держит коров, — намного больше трех — трех с половиной тысяч килограммов молока! Промолчали о недоверии к гербицидам, не вносят их, а на закупку тратятся. Без гербицидов проиграли в урожайности и качестве урожая... А прогулы? Почти пять сот за год... Пятнадцать парней во время поездки в город ночевали в медвытрезвителях — это годовая цифра. Или — пожадничал Анатолий Егорович, не дал многим поросят, люди — свои — остались без мяса; зато колхоз перевыполнил план аж на 170 процентов! К чему такое рвение — где-то по головке седой поглядят? Да ты им дай 150 процентов! Тогда и свои бы не роптали. Председатель, совестливая душа, сам пообещал больше так не поступать: интерес колхозников теперь в цене! Более того, решили пять тысяч рублей — молодым на обзаведение первым хозяйством; а девять тысяч рублей — на покупку коров для колхозников, кто пожелает; деньги в общем-то пока невеликие, но дорого людям внимание именно со стороны своего колхоза.

И все же ни слова, ни полслова о проекте Закона о предприятии (объединении). Молчали, хотя нет у колхоза пасеки и хотя нужда

в пчелах-опылителях большая, такая, что пускают пчеловодов со стороны, частников, которые наживаются на общественном нектаре. Все видит бесхозность, и все промолчали. Да, о многом еще молчат на таких вот собраниях; наверное, не дошло до сознания то самое «мое», без которого жить и работать с отдачей на земле нельзя. Отбили это чувство у крестьян в третьем и теперь уже в четвертом поколении.

Весна завтра

О планах сказал председатель Анатолий Егорович:

— Планируем оплату труда на текущий год в размере одного миллиона тринадцати тысяч. Договора продлим. И, товарищи колхозники, знайте, если урожайность, вообще продуктивность превысят задания, мы расценки резать не будем. Не будем! Такого, товарищи, больше не будет! Все отдадим — до копейки, до зерна!.. И семьдесят процентов сэкономленных средств отдадим вам! На единый подряд! Да еще пятую часть отоварим натурой!..

Я ждал — отзовется зал громом аплодисментов, переходящих в овацию. А встретили товарищи колхозники взволнованное заверение руководства с достоинством, как должное: договор подписывают две стороны, вполне равные теперь в своих правах: заказчик, организатор работ, с одной стороны, и — исполнитель, мастер своего дела, звено или бригада, взявшая на себя коллективный подряд.

Еще утром по белому полю ходил грач, из тех, что зимовали дома. Говорят, все больше таких — не улетают, делают весну. Весна катит, зиму валит.

Работу правления признали удовлетворительной. Все пункты постановления одобрили общим голосованием. Твердо наказали председателю, чтобы впредь не подписывал ни под каким давлением акт о приемке объекта, сработанного районными строителями.

Доверие — вот главное впечатление от собрания в Старо-Сеславине. Председатель, члены правления не пытались отделаться общими словами, тем более — обещаниями; и зал это оценил, шибко не критиковал, подбодрил, но дал понять, что намерения и поступки, вся линия поведения руководства селу доподлинно известны. Очевидны. И никогда больше селяне не позволят играть в демократию. Работать — так работать вместе. Самостоянье — пушкинское слово — вот что такое жизнь не в долг: «Самостоянье человека — залог величия его».

Уезжая, я поздравил Анатолия Егоровича с совершеннолетием — с марта пошел восемнадцатый год как он председательствует. Но в селе и год прожить — не поле перейти. И поле перейти нелегко.

1987 г., февраль.

«Вернули деньги!» — сообщил «Огонек» в мае того же года. А ведь в моем очерке говорилось всего-навсего о несогласии колхозников с неправомерными действиями Первомайского отделения Госбанка: значительную сумму заработанных ими в 1986 году денег районные финансисты, годами ущемлявшие по всей стране чисто хозяйственные права селян, взыскали ДОСРОЧНО. Такое вот нетерпение проявили — якобы на пользу государства (вроде традиционного «красного обоза»). И вот удача журналиста: Российская республиканская контора Госбанка СССР рассмотрела с выездом на место критические замечания, высказанные на общем колхозном собрании. Заместитель управляющего Российской конторой счел за благо уведомить:

«Колхоз «Большевик» — одно из быстро развивающихся хозяйств района, которое... постоянно укрепляет свою экономику. ...По результатам деятельности за 1986 год хозяйством получено 1,2 миллиона рублей чистого дохода, но даже при этих условиях колхоз не в состоянии восстановить утраченные ранее собственные оборотные средства...»

В области (да и только ли в Тамбовской!) все еще имеются колхозы, которые пребывают в весьма трудном финансовом положении — по-простонародному, «лежачие» или вроде того. И только поэтому, мол, областной комитет Госагропрома попросил местных финансистов часть отсроченных (!) ссуд перераспределить (именно так сформулировали в Тамбове акцию грабежа колхозников среди бела дня) между слабыми хозяйствами. Банкротами. Благое намерение? Но вот что далее сообщила мне Российская контора Госбанка СССР:

«Первомайским отделением Госбанка принято решение передать часть отсроченных кредитов (647 тысяч рублей) другим экономически слабым колхозам... Однако Первомайское отделение Госбанка при практической реализации допустило ошибку, списав в декабре 1986 года с расчетного счета колхоза средства без согласия его правления».

А разве в карман залезают с согласия владельца кошелька? И разве впервые в стране вот так походя «допустили ошибку», изъяв заработанное потом и кровью!..

Но вот в чем новизна все-таки, перемена во взаимоотношениях города с деревней, далее любезно сообщалось:

«...такое действие отделения Госбанка расцениваем, как грубое нарушение Устава колхоза и нормативных актов Госбанка СССР. На виновных в этом должностных лиц отделением банка наложены административные взыскания».

Итак, допущенная ошибка была признана и меры к ее исправлению приняты. Деньги колхозникам вернули, и немалые. А если бы они не

проявили чувства коллективного хозяина? Прежде нередко так и бывало: до города далеко, до правды высоко... А я и год спустя горжусь сим малым делом, профессиональным поступком в защиту жителей хоть одного села.

МЕМОРИАЛЬНАЯ ИЗБА, или Рассказ о том, как автор не попал на съезд колхозников

Подмосковная деревня Горки. Спят поля, заиндевели грозди на белых рябинах. Последние морозы. Солнце повернуло на лето. Тишину нарушают крики неулетающих птиц, голоса коров, возвращающихся с прогулки...

В Горках — правление колхоза имени Владимира Ильича. Колхоз известный, орденосный. В нескольких километрах от деревни за высокими липами парка белоколонный дом, где умер В. И. Ленин. Но Ленин и жил здесь, отдыхал. И работал, отдыхая. 9 января 1921 года вождем приезжал к жителям Горок. Тогда все собрались в просторной избе Шульгиных — яблоку негде было упасть, дышали с мороза горячо, слушали дорогого гостя. Ленин рассказал о плане электрификации, обещал электричество и для Горок, а еще озабочился, чтобы давали крестьянам семена, рассаду, машины... Мелким хозяйствам из нужды не выйти — это понятно. Да что же было делать?..

Жизнь колхоза в Горках с того дня освещена присутствием Владимира Ильича — изба Шульгиных стала мемориальной, здесь все как было — его разговором о насущном, его идеями о благе крестьян. Усваивались же идеи социализации деревни неспешно и нелегко. Прошли еще три года, прежде чем в Горках достаточные мужики учредили машинное товарищество и стали сообща пахать землю, молотить. И еще пять лет прошло, прежде чем двадцать девять бедняцких хозяйств организовались в колхоз: обобществили девять лошадей, отмерили себе двести шестьдесят десятин пахотных, а к ним еще и угодий...

Сейчас у колхоза имени Владимира Ильича земли более 2600 гектаров, из них пашни 1672 гектара. В прошлом году продукции реализовали более чем на восемь с половиной миллионов рублей; два с половиной миллиона рублей составила чистая прибыль. Стало быть, рентабельность более 42 процентов. Колхоз нетипичный: со дня зарождения ему уделяли особое внимание со стороны, как же — деревня, в которой Ленин беседовал как раз о житье-бытье крестьян!.. Историческое, мемори-

альное оборачивалось материальным. О чем сотням сел и деревень не снилось, здесь становилось явью. Одна из доходных отраслей, например, рыбоводство. А повелось с того времени, когда был жив Ленин. Крестьяне жаловались ему, что, мол, когда-то прекрасное и сложное прудовое хозяйство, еще барское, в запустении... Владимир Ильич попросил своего секретаря Горбунова найти специалистов, чтобы наладили дело. Нашли, конечно, наладили, и прудовое хозяйство до сих пор приносит доход, и традиционно получают по осени рыбу колхозники Горок и деревень-спутников.

Повезло колхозу и на вожakov. Долгие годы дело вел незабвенный Иван Андреевич Буянов — один из плеяды председателей послевоенного времени, имена которых были у всех на слуху. Два председателя за полвека — и этот факт говорит о нетипичности колхоза имени Владимира Ильича. Не секрет, в иных селах предов меняют чаще, чем президентов в цивилизованных государствах...

Иван Иванович Кухарь, давний знакомец «Огонька», не только дважды Герой Социалистического Труда, но и д в а ж д ы председатель: он возглавляет, понятно, правление колхоза и союзный Совет колхозов, то есть является председателем председателей. Более того, Иван Иванович — один из авторов опубликованного в январе проекта примерного Устава колхоза.

— Иван Иванович, о нужде в обновленном Уставе колхоза на селе начали говорить сразу же после апреля восьмидесят пятого года. Очевидно, сам этот факт о многом говорит?

Иван Иванович КУХАРЬ: — В руководстве вызрело сознание перемен. На смену администрированию пришли экономические методы руководства. А кто же больше колхозов да и совхозов пострадал именно от системы командно-административной, волевых способов управления всем и вся! Потому-то и была первой мысль о том, что жить по Уставу, не отражающему перемен в обществе, нельзя.

— Но согласитесь, само слово «демократия» чаще всего, насколько я помню, прилагалось именно к колхозу! Откуда же тут было явное противоречие?

— Я мог бы отшутиться, мол, вся жизнь состоит из противоречий. Но и в такой шутке была бы доля правды. Какая же это демократия, если за шестьдесят лет всего ч е т ы р е съезда колхозников? Поговорить нам с глазу на глаз было не о чем? Любой горожанин, не говоря уж о селянах, знает, что это не так. Многие беды миновали наше хозяйство. Но иные председатели криком кричали. Просили не мешать им, просили уберечь от волюнтаристов всех рангов и размеров! Вспомните сентябрьский Пленум ЦК КПСС в 1954 году или мартовский в 1965 году — сколько правды они открыли! Сколько надежд сулили! Да и другие решения обещали колхозам самостоятельность... Вы правы, понятие

«колхозная демократия» было ходовым и столь же далеким от жизни... В комиссии по выработке проекта примерного Устава колхоза работали сто тридцать человек, среди них вся председательская гвардия, все дважды Герои Социалистического Труда и, конечно, представители Госагропрома, юристы... Союзный Совет колхозов дважды обсуждал новую редакцию проекта.

— Новую редакцию?

— Нет, конечно, — вернее, проект нового Устава! Разница-то между проектом и действующим пока Уставом колхоза не просто огромная, но принципиальная. Судите сами, из 61 пункта всех разделов только 8 перешли из старого Устава практически без изменений — переписаны. Внесены изменения, которые, повторю, соответствуют изменениям в государстве, большей демократизации общества. А вот теперь и надо его обсудить, да так, чтобы никаких иных толкований, кроме е д и н о г о, отвечающего революционной формуле «больше демократии — больше социализма», не было. Заметили два очень важных слова — «проект» и «примерный»? Проект — значит формулировки статей, пунктов неокончательные. Примерный — значит не один для всех, а предлагаемый для уточнения и принятия на общем собрании членов конкретного колхоза. В стране десятки разных почвенно-климатических зон! Разные традиции, разные возможности, разный опыт... Сколько колхозов — столько путей эффективной экономики.

— А сколько в стране колхозов?

— По-моему, 96 тысяч хозяйств. Среди них 26 700 колхозов, в которых двенадцать с половиной миллионов колхозников. Вот почему предлагаемый Устав предоставляет колхозникам права, которых, по сути, у них не было, — прежде всего право на самоуправление.

— Таким образом, Иван Иванович, восстанавливается кооперативная природа коллективных хозяйств? Но бытует стойкое представление, что давно нет различий между колхозом и совхозом?

— Знаю это, сам, признаюсь, отвечаю, что различия давно утрачены... Однако если хорошенько подумать, да с обобщающими цифрами в руках, то ясно, что ликвидация различий между колхозом и совхозом и попросту невыгодна, а преимущества колхозной формы собственности перед совхозной очевидны. Колхозы производят для страны половину зерна, половину молока, почти половину мяса, а сахарной свеклы — почти восемьдесят пять процентов, столько же хлопка-сырца, три четверти всего подсолнечника, картофеля. Заметили? Самые трудоемкие культуры, где все еще царит ручной труд, труд женщин и привлеченных горожан — сахарная свекла, картофель, подсолнечник, хлопок... Их в основном выращивают колхозы! Совхозы, может быть, и лучше оснащенные техникой, не берут на себя столь тяжкую ношу, как хлопашные и технические культуры.

— В преимуществах кооперативной формы собственности даже я, горожанин, никогда не сомневался, но правда и в том, что не все, далеко не все колхозы могут похвастать благополучной экономикой, многие едва сводят концы с концами... В чем же причина той реальной ситуации, которая сложилась в конце шестидесятилетней колхозной дороги? Почему же колхозы не богатели в своей массе, но лишились природного преимущества? Почему не устояли, когда их силком укрупняли-разукрупняли, переименовывали в совхозы, записывали их живые деревни в «неперспективные»?.. О чем говорят две несопоставимые цифры: после войны было более 300 000 колхозов, стало почти в двенадцать раз меньше?.. Из оставшихся большинство закредитованы, являются должниками государства и даже после повышения закупочных цен почти каждый десятый колхоз кончил год с убытком. Иными словами — банкрот.

— Утрачено чувство х о з я и н а — надо его реанимировать. Каждый — хозяин, сохозяин общего дела.

— Колхоза? Мне кажется, колхоз, каким он стал в конце концов, явно дискредитировал саму идею демократического сотрудничества социалистического государства с жителями и тружениками села, деревни. И еще кажется, что тут перестройка должна бы коснуться и формулировок. То есть юридической стороны дела. Если нет разницы между совхозом, предприятием государственным, и колхозом, то что же тогда такое колхоз в современном его виде? Не случайно же менялись названия живого организма сельской солидарности — товарищество, сельскохозяйственная артель, коллективное хозяйство... Формальность? Не думаю... Не вернуться ли к понятию товарищества, артели, Иван Иванович? Сельский кооператив — в этом экономическом ранге деревня быстрее бы забыла унижительное, бесправное положение, в которое поставили колхоз... Да и внутриколхозной демократии давно уже нет — это миф...

— Не так-то просто судить о затронутых вопросах с ходу... Категоричность, пожалуй, неуместна. И я один из соавторов нового Устава колхоза.

— Иван Иванович! Из проекта же видно, что его авторы многое взяли из Закона о государственном предприятии (объединении). Как же так можно? Ленинский план кооперации исходил из идей продналога и новой экономической политики. Ленин и социализм в конце концов понимал как строй кооператоров! И сегодня, провозглашая перестройку, государство ступило на путь экономических методов управления народным хозяйством, во многом опираясь на идеи именно к о о п е р а - ц и и во всех ее формах и проявлениях. А колхоз, по-моему, сродни «казарменному коммунизму», когда телефон диктовал, что и когда се-

ять, когда жать, а продукция и сверхпродукция попросту вывозилась в приказном порядке...

— Обсуждение покажет.

Надо, чтобы все, что необходимо селу, можно было купить. Не одну эпоху мы прожили как доставалы, как нарушители буквально миллионов статей кодексов, инструкций — так больше нельзя. Нельзя больше селу жить в условиях централизованного планирования, планирования сверху, волевого. До сих пор нам говорят, что, мол, планируйте как хотите, но при этом непременно подбрасывают две-три «обязательные» позиции да еще требуют по телефону: мое в первую очередь, а со своим планом, как хотите... И еще. Вы затронули вопрос о жизнестойкости колхозов. Она действительно впечатляет. В народе хранится память о ленинских идеях повсеместного кооперирования — никогда эти идеи на селе не умирали! И вот сейчас растет движение обратное — от госпредприятий к кооперации. Например, слышал, что в Эстонии, Литве трудовые коллективы совхозов поставили вопрос о создании сельскохозяйственных кооперативов.

— Знамение времени! Стало быть, хоть заново проводи коллективизацию — только без насилия, без спеха ради рапорта?

— Коллективизация — давно пройденный этап.

* * *

А вот теперь комментарий к летучему диалогу по случаю события.

Положение Ивана Ивановича Кухаря, что ни говори, особое, он председатель Совета колхозов, председатель комиссии. И он в беседе со мной волей-неволей придерживался строгой линии на одобрение. Хотя он не мог не согласиться с тем, что доработки, дополнения, некоторая редактура, конечно же, неизбежны. Сейчас даже сроки выдачи и нормы спецодежды устанавливают не сами колхозники, а деятели из района! Об этой несвободе говорили, обсуждая проект Устава, птичницы колхоза имени Владимира Ильича. Или взять РАПО — это объединение, в которое входят и колхозы. Так почему же не закреплено за ними право утверждать или не утверждать штат РАПО? А пока в объединении отсиживаются полста и более колхозно-совхозных нахлебников.

Не сказано в третьем Уставе: цель сельского кооператива — самостоянье! Которое бы обеспечивало экономическую независимость от госучреждений — и благосостояние населения деревни, села, станицы, хутора, аула, кишлака, поселка.

Нужно четко сказать и о выборности председателя правления колхоза, а то до сих пор временщики поставляют область, в лучшем случае район. Да не одного из одного выбирать! А из трех-четырех кан-

дидатов с реальными их интеллектуальными и физическими возможностями. И, может быть, даже т а й н ы м голосованием, если так решит общее собрание членов сельскохозяйственного кооператива. Сейчас важно разбудить в колхозниках, всех жителей сел и деревень интерес к новому Уставу. А то селяне привыкли, что все вопросы, даже жизненно важные, решались и решаются без них. Намолчались за долгие годы, привыкли к руководству приезжих и заезжих. Могут промолчать и сейчас, когда заново решается судьба деревни. Но эти откровенные суждения Иван Иванович как бы вынес за скобки интервью. А мне захотелось их развить.

Председатель мельком сказал об «интересе». Я сразу вспомнил К. Маркса, который сказал, что «идея» неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса». Все шестьдесят колхозных лет подтверждают, что это в е р н о. Идея коллективизации со школьной скамьи отождествлялась с ленинским планом кооперации — и то слово хорошо, и другое? Сама по себе идея коллективизации ничего угрожающего не несла. То, что проводилась она второпях, насильно, всеохватно — сплошная коллективизация! — это еще не давало повода осознать подмену. И сопротивлялись не идее жить коллективистами, а натиску, требованию «не рассуждать». Не выжидать, не сравнивать... Тем более что кооперативная сущность вводимых колхозов не отрицалась, а даже подчеркивалась. Да и заполошный натиск, нетерпение функционеров и уполномоченных по ходу «преобразования» называли мягко «перегибами», «головокружением»... Умягчало и то, что колхозы иногда обещающе величали сельхозартелями. Это тоже приучало единоличника: артелью работать легче, давно известно. Сейчас-то мы, умудренные опытом наших дедов и отцов, знаем, чем обернулось отступление от ленинских идей новой экономической политики, продналога, кооперирования мужика по интересам, ремеслам, традиционным в той или иной местности производства. Шестьдесят лет колхозному СТРОЮ (слово-то какое, воистину казарменное!), мы все еще бездумно повторяем, будто колхоз по самой своей природе предполагает демократию. «Предполагает» звучит как уступка. Все знают, что демократией-то как раз и не пахло; можно сказать, чем сильнее колхоз, тем меньше демократии. Поскольку чаще всего ставился колхоз-маяк сильной личностью, сумевшей найти компромиссные решения в борении с районщиками. А ведь когда-то, шестьдесят лет назад, — каждый вошел в колхоз со своим п а е м. Обобществляли все — до абсурда. Все свое сносили под одну общую крышу. Сказывалась сказочная мечта жить м и р о м. Чтобы из одного котла, на один котел, да и уполномоченные потопрапливали сказку сделать былью. И вот как бы хорошо развить пусть и такое болезненное, кровоточащее начало коллективизации, да благими намерениями дорожки стелются не только в ад... О кооперативном принципе делить доходы

по паям скоро заставили забыть. Стремительно росла неделимая часть хозяйства, так называемые неделимые фонды. Неплохая вроде бы придумка с трудоднем обернулась скудными порциями от того, что оставили колхозу на раздачу, а вскоре — «палочками». А двадцать лет назад взносы вступающего вообще ликвидировали, так что с принципом кооператива простились, не заметив дня прощания. Никогда не было реализовано и право выйти из колхоза. Вышел — значит, враг. Вышел — лишаешься земельного надела, и без того мизерного (где пятнадцать, где двадцать пять соток). А пая твоего, доли твоей в общем нажитом добре тем более не вернут... И кстати уж — в свое время все свершения и мечты советского народа провозглашались с присовокуплением одного определения: «сталинские пятилетки», «сталинская конституция», «сталинский маршрут», «сталинский план преобразования природы»... И только коллективизация не удостоилась высокого покровительства. Почему? Выгоднее было представить ее продолжением ленинской идеи о кооперации.

Так вот об ИНТЕРЕСЕ: идея колхоза, заменившего кооператив, посрамила себя, как только отделилась от интереса членов бывшей сельхозартели. Интерес был утрачен с утратой чувства хозяина, сочлена общего дела. Интерес был утрачен, как только доходы перестали распределять по труду. Колхоз переродился в предприятие: недавний крестьянин отчуждался и от труда, и от продукции. Продукцию сдавали, сдавали даже тогда, когда поставки называли продажей. Устав? Да о нем никто никогда не вспоминал; колхозников и не учили жить по закону, ими для себя же и принятому. От «палочек» перешли к рублям, чем еще дальше отодвинули колхозника от кормила хозяйственной власти, да и рубли опять же платили не по труду, а по законам сдельщины или твердого оклада. Натурой же вообще оплачивать работу перестали — оказался «хозяин» земли без земли. Без зерна, сена, корнеплодов и вообще плодов. Устав уставом, да не считались с ним ни РК, ни РИК. В нем, который действует сейчас, в феврале 1988 года, меньше всего говорится об экономических принципах хозяйствования. В него в свое время (1968 год) никто и не думал закладывать способы богатения, обустройства, социального развития — он скорее признавал де-юре огосударствливание деревни.

Колхозник перестал быть хозяином. Стал работником на зарплате — вот почему вполне справедливо говорят, что, мол, давно уравнилось — что колхоз, что совхоз; без разницы...

А как бы надо? Надо бы принять Устав сельскохозяйственного кооператива! Надо бы узаконить арендные отношения с государством — пусть земля по Конституции остается собственностью государственной: кооператив будет ее арендовать. И тогда жить будет от нее, от земли. От земли пойдет и вся продукция, которую кооператив села, де-

ревни сможет реализовать по договорам с государством. И то, что заранее заказано, и то, что получено дополнительно. Только по договорам! Не больше. А коли есть излишки, то их реализовать по решению общего собрания. Можно продать на рынке, можно подкормить горожан, можно подшефным передать...

Главное в Уставе бы ясно написать: арендуя землю, прочие угоды и лес, сельский кооператив **сам** реализует всю свою продукцию. Сам. Хозяин земли — хозяин продукции. Принцип, нарушенный с первым «красным обозом». Поставки, продрозверстка отучали и отлучали крестьянина. Утратил права хозяина и колхозник. Никто отныне не вправе распоряжаться колхозной продукцией. Только сам кооператив и члены кооператива! По своей охоте и своей выгоде. Тогда обозначатся и принципиальные отличия от таких предприятий, как совхозы.

Надо бы записать и следующее: сельскохозяйственный кооператив сохраняет право распоряжаться по своему усмотрению не только продукцией, но и средствами производства, в том числе и основными, например, арендованной землей, прочими угодами. А также строениями, машинами. Пока же колхоз лишен права лучше распорядиться с «лишней» землей или лугами, лесом... Но много экономически слабых колхозов, которым пока не под силу взять максимум продукции со всей наличной земли; они временно не в состоянии довести до ума все свои поля. Надо узаконить их право передавать отдельные поля более мощным соседям. Или иным кооперативам. Конечно, за деньги и на обусловленный срок.

Устав в его нынешнем виде — проект — молчит и о праве члена колхоза на часть земли. Да, помимо приусадебного участка. Пусть я вышел из колхоза, забрал в коллективе нажитое в рублях, но хочу остаться на земле. Остаться ее хозяином. Может такое быть? По нашим временам, все может статься — ИТД на земле, а почему бы и нет? Главное, в Уставе закрепить право каждого трудиться на земле. Сейчас приживается такая форма, как подряд или семейная ферма. Формы кооперирования могут быть самые неожиданные — по интересам! А интересы могут быть экономические, социальные. Главное, чтобы человек стал хозяином положения, своей судьбы, своего шанса.

Замечаний к проекту Устава немало. Напрасно, повторяю, многое взято из Закона о государственном предприятии (объединении). Если уж брать, то из Закона о кооперации. Нет такого? Так нужно сформулировать, принять! Дабы двенадцать с половиной миллионов колхозников жили по своему закону. А не по заемным статьям, не по приспособленности. Зачем такая «уступка»: собственность названа «колхозно-кооперативной» — масло масляное? Или, напротив, попытка увязать несовместимое? Ибо кооператив в толковании ленинской статьи «О кооперации» ничего общего не имеет с колхозом, где наемные работники. Иначе чем

объяснить, что за двадцать лет после 1965 года сбор зерна, овощей, производство мяса и молока на рубль валового продукта уменьшились вдвое. Картофеля в 1985 году накопили в четыре раза меньше, чем в 1965 году?

В общем, согласен с председателем колхоза из Запорожской области В. Бутенко: «Колхоз на нынешнем этапе развития производительных сил села вовсе не «добровольное объединение крестьян», как записано в проекте, а добровольная кооперация первичных подрядных коллективов для совместного ведения крупного социалистического сельскохозяйственного производства»... Тут тоже не все точно, но к истине ближе! Меньше разрыва между формой (кооперативной) и содержанием (труда на земле). Хотя зачем уточнять — «крупного»? А если не крупного? Во всяком случае, то, что записано сейчас в проекте, селяне могут и не принять. Я бы не принял. А противоречие заложено юристами уже в пункте I: колхоз «... является кооперативной организацией добровольно объединившихся крестьян (?—Н. Б.) для совместного ведения»... и т. д. Позвольте, какие сейчас крестьяне? Пейзаны? Крестьянин, по Ленину, мелкобуржуазный собственник, с одной стороны, труженик-единоличник, а с другой — торгаш. Таких в деревне давно повывели.

А каков довесок в конце того же весьма противоречивого пункта II! Судите сами: «колхоз — социалистическое сельскохозяйственное предприятие (?—Н. Б.), действующее в условиях полной (?—Н. Б.) самостоятельности и самоуправления на основе демократических принципов хозяйствования в сочетании с государственным руководством».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Самоуправление, полная (спасибо авторам Устава № 3 за это «полная») самостоятельность — и все это сказочное, давно обещанное в сочетании (как так?) с государственным руководством... Знают жители наших весей, что кроется за таким руководством! И как это могло случиться: в одном пункте два определения, что такое колхоз? Да знаем, что такое колхоз! Речь о другом: оставаться ему колхозом, то бишь, по определению нового Устава, предприятием, как правило, бесприбыльным и еще чаще — бесправным, или быть ему реорганизованным — п е р е и з б р а н ы м — в кооператив?

ОСМЫСЛИТЬ колхозное прошлое или ОПРАВДАТЬ? — вот в чем вопрос, вот политическое содержание нового примерного Устава и будущего Закона о кооперации.

И последнее, принципиальное. Нельзя не исключить финальную фразу из преамбулы, а именно: «Колхоз — школа коммунизма для крестьянства». Звучит она более чем аполитично и кощунственно. Сама фраза эта опять же заемная (из положения о профсоюзах). Да и зачем отождествлять с коммунизмом оставшиеся (от бывших 300 тысяч) нынешние колхозы?

Колхоз если и школа, то плохая школа. И далека она была от обучения коммунизму. Колхоз — это воистину строй, он далек от добровольного объединения единомышленников с общими интересами. Целью такого добровольного объединения не могут быть обнищание, деградация почв, гибель рек...

Когда-то действительно были крестьяне, их было много, их было море — пять шестых населения! Крестьяне помогли победе большевиков в октябре семнадцатого года. Не бескорыстно. Они верили, знали, что наступит новая жизнь в деревне, где все будут решать миром и по справедливости.

Школа? Да, но школа раскрестьянивания, насильной коллективизации и абсурдного обобществления, обезлички земли и всех проявлений бесхозности, когда торжествовала воля Административной Системы (по Гавриилу Попову), то бишь планирование сверху, изъятие продукции, отчуждение новоспелитанного работника от земли — основного средства производства на селе. Не будем уж — дело историков — вспоминать долгие годы «беспаспортной жизни», «палочек», сил раскулачивания, лишения самостоятельности, а значит, и шанса проявить себя как личность на родине — в селе, деревне, а не за тыщу верст от дедовых могил.

Владимир Ильич Ленин: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически». Не могли быть колхозы «школой коммунизма», поскольку стали первой жертвой командно-административного метода управления. Экономический механизм более ограничен для кооперации, ибо здесь один стимул производства — выгода; интерес личный во имя интереса государственного. А кому выгодны тысячи убыточных, слабосильных колхозов? Маяки колхозного строя, такие хозяйства, как колхоз имени Владимира Ильича, — те самые исключения, которые подтверждают сложившуюся на селе ситуацию. Эти знаменитые, старые, немногочисленные ласточки не делают весны. Ибо все наши образцовые хозяйства — и колхозы, и совхозы — живут не благодаря, а вопреки Административной Системе. Жизнь села, сельских районов, наконец, страны, охваченной перестройкой, не должна зависеть от банкротов-администраторов, гораздых на «указивки» и «дикты», на ррреволюционный зуд, переходящий в мертвую зыбь застоя — непроточность.

Интерес в том, чтобы не посрамить идею.

Идею лучшей, чем теперь, жизни в деревне.

1988 г., февраль.

Комментарий к комментарию: результатом откровенной беседы было то, что мне отказали в аккредитации на IV съезде колхозников. Догадываюсь, что не без ведома И. Кухаря. Сработала колхоз-

ная демократия. Вот этот «исторический» документ: «№ 042—15/116. Союзный совет колхозов сообщает, что дать аккредитацию корреспонденту Вашего журнала на IV Всесоюзном съезде колхозников не представляется возможным», — и подпись ответственного секретаря Есипенко. Знаю — функционер с сорокалетним стажем. Кстати, проект нового Устава съезд обсудил, но не принял. Отверг. Что и требовалось доказать.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Снова и снова звучит голос полей: «...ведь земля — это наша душа! Сапогами не вытоптать душу».

Вначале было слово? Тогда это было слово «р о д и н а». Родник, родня, рождение... Возвращаясь к встречам с Михаилом Григорьевичем Вагиным весной 1988 года, вспоминаю, как он перебирал слова — как зерна. А уж как он приглашал в колхоз: «Воздушные места! — так, чай, Высоцкий-то поет!..» Пусть Михаил Григорьевич и заключает книжку.

— Ах, какие у нас заповедные места! Воздушные — так пел Высоцкий. Не знаю, есть ли еще где такое приволье. Наш край и называл привольным писатель и земляк П. И. Мельников-Печерский. А местный народ он называл «досужим, бойким, смышленным и ловким». Но не земля в те давние годы кормила мужика-заволжанина. Кормил лес, кормил промысел. Крестьяне делали сани, телеги, всякую деревянную утварь, занимались бортничеством. А теперь наши зауольские поля — кержацкие — дают стабильно более тридцати центнеров зерна с гектара. Неродимая земля родит! И неплохо. Второй кит нашей экономики — промыслы, а третий — животноводство на современном уровне, то есть на базе серьезной селекционной работы...

Великое дело — родство с землей прародителей, в нем сила корней, уходящих в глубины прошлого, напоминание отеческих могил. Без чувства связи времен нельзя; мы не какие-нибудь Иваны, не помнящие родства. Как говорится, ничто из ничего не бывает.

Есть в начале нашего сельскохозяйственного года весенний день поминовения — Красная горка, когда люди обращаются всей своей памятью в прошлое, самое трогательное, душевное с детства. Хорошо, если эта память благодарная! Хорошо, если человек с чистой совестью готов к самоотчету перед минувшими поколениями, хотя бы перед родителями, у кого их уже нет... Главное, чтобы стыдно не было ни перед нашим многострадальным крестьянством, ни перед отцом Григорием Васильевичем, ни перед памятью того же Худенко... Красная горка — день отсчета новой животворной весны, день нравственного очищения и как бы безмолвного обещания и впредь оставаться жизнестойким, трудолюбивым человеком с чистыми помыслами. Далеко назад и вперед видно от Красной горки... Наследник — это ко многому обязывает. Нашей истории не четыре года и не

тридцать лет, и не семьдесят даже. Мы наследуем огромную культуру. Я бы сказал определеннее — деревенскую культуру! В наших местах это особенно сильно ощущается: традиции ремесел, хохломской росписи обьязывают! А почему культура деревенская? Так мы все вышли из деревни. И наши города — из деревни. Эта культура — основа всей страны, такова уж историческая правда, да и наша реальность. На то и социалистический уклад жизни, чтобы люди чувствовали себя причастными к истории, хозяевами государства. Ответчиками за будущее. В этом важно самоутвердиться нынешним молодым!

А талант под спудом — это катастрофа. Талант питает неудовлетворенность, чувство долга, живого — соль любого народа. За это, как напомнил тот же академик Моисеев, интеллигенцию всегда не жаловали власть имущие. Талант независим, дерзок, он — враг шаблона. Такими держится авторитет и академии, и каждой деревни. А рамки, жесткие каноны, работа ради рапорта безнравственны, замуровывают таланты, способности, инициативу. И эта мысль академика, но и моя! Велик нравственный и жизненный потенциал народа, его-то и хочет высвободить из бюрократической ловушки Михаил Сергеевич, все, кто воспринял перестройку как революционный процесс. Ну, а деревне вообще не выжить без воли самого что ни на есть народа — пахарей и скотоводов, умельцев, мастеров на все руки! Вести хозяйство самостоятельно, да это же страсть, ее только пробудить бы!

— Никаких проблем?

— Чем дальше уходим от былого небытия, тем больше проблем. Но они качественно иные. Например, у нас нужда в деятелях хоровой и театральной культуры, физической культуры и спорта, искусства. Среди тысячи просьб принять в колхоз нет пока ни одного заявления от хормейстера, хореографа, дирижера или от тренеров по любому виду спорта... Ждем!

И еще. Прижилось изживенчество. Молодежь повторяет: «Дай, дай». Но дать — значит, он, молодой человек, никогда да н н о г о ему не оценит. Надо зарабатывать! Иному двадцать два года, а он неумейка. Ни жениться, ни построиться, ни себя найти не умеет. Упущенное поколение — вот проблема. А старики — условные старики, конечно, — хотят строиться! За свои деньги. Это же Жар-птица в руках! И ее не надо выпускать. Это то самое, что нужно нам сейчас. Не упустить Жар-птицу! Нельзя упустить данную нам возможность жить инициативно, творчески. Живет у нас в деревне Ленино ветеран войны и труда Макар Алексеевич Счастливыч. Только недавно ушел на заслуженный отдых. У него восемь сыновей и дочерей, всеми Макар Алексеевич доволен. Но это не значит, что счастливым он был с молодых своих ногтей. Нелегкая судьба, трудная жизнь крестьянской семьи. Однако выжил. Как выжили все мы, кто остался, несмотря ни на что, жить в деревне. И пусть растет, множится семья Счастливых! Пусть все наши семьи, которые готовы посвятить свою жизнь родной деревне, станут действительно счастливыми. Какую бы фамилию ни имели... У нас только в 1987 году народилось семьдесят четыре человека, а всего их сейчас без малого восемьсот, я имею в виду весь подлесок до шестнадцати лет. Так

что есть для кого жить! Есть о ком заботиться. Они не должны увидеть деревню слабосильной, разоренной, бесправной. Иначе и они разведутся...

А теперь все зависит от самих селян, от нас самих. От нас, живых. От нашей преданности деревне российской, от наших знаний, упорства, разворотливости, неуступчивости силам бумажного противодействия. Времена покаяния, окриков миновали безвозвратно.

Аренда — ах, какая емкая, многообещающая форма новых для нас производственных отношений на селе! Жизнь все громче и громче подсказывает: аренда! Это — огонь на себя в мирное время, сладкое бремя ответственности. Аренда — значит, договорные отношения, долгосрочное пользование землей, фермой, пастбищем, техникой. Продналог как главная форма расчета с государством, продажа продукции, ее излишков тому же государству или партнеру-кооперативу, или постоянным покупателям на базаре. Простор, широкий простор для людей работающих, смекалистых, оборотистых.

Иногда приходится слышать, что деревня убыточна, нежизнеспособна, бесперспективна, как ей предрекали. Да ведь они разные, деревни!.. Историю не перепишешь. Война с зажиточным крестьянством, а главное с нормальной крестьянской семьей, естественной в своей природной первоизданности, с крестьянином, которому дали уничижительную социальную кличку «середняк», к добру не привела. И теперь только разрешение жизни на земле, в селе, работа ради жизни на земле, в деревне могут вернуть миллионам селян способность накормить себя, своих родных, всех горожан. Сытая, самостоятельная деревня вновь обретет способность творить. Выращивание хлеба — это творчество. И работа с техникой, с растениями — творчество. Селекционная работа на ферме — тоже творчество. И жизнь в семье, становление семьи — обязательно творчество.

Сильная, как бы растительная способность деревенского общества к саморазвитию — залог возрождения нашего сельского хозяйства. Вот вам четвертое «с»! А есть еще «с» — самобытность. Наши деревни ярко самобытны! И мы самобытность каждой берегаем. Дайте срок — и деревня заживет, из пепла возродится...

...На что надеется Вагин? На себя, еще не израсходованного? На здоровый ум последних мужиков, односельчан? На востребованную власть земли? На аренду и полюбовные отношения с перестроенным государством? Только, думаю, не на колхоз с его трагической ролью в истории крестьянской страны: «Колхоз... сконструированный как односторонний насос для выкачивания средств из села, не мог стать инструментом подъема села...» Эти слова не Вагина и даже не мои; автор приговора — экономист Гавриил Попов, и взяты они из номера «Огонька» в день, когда этот монолог пошел в набор, а в деревнях у Вагина только-только отмолились: на с в о е й земле?

Вагин, как только приехал на XIX партконференцию, сразу позвонил. Готовился выступить... Он помнил, что корни мои в земле нижегородской, что и сейчас там, в Арзамасе, мои родичи. Может быть, поэтому он снисходителен ко мне, даже тогда, когда я говорю в рифму.

*Августейший месяц Август!
В Арзамасе первый Спас.
Возвращаться зарекаюсь,
Возвращаюсь каждый раз...*

*Там зацвел мой светлый омут,
На дрова пошел мой сад;
Лишь дитя моих черемух
Радует, как жизнь назад.*

*Тот же чибис с тем же криком
Выбежать зовет к меже.
Сутемень с лиловым ликом
Гонит ложь и льнет к душе.*

*Ветер черен от черемух,
Рот оскоминою свел.
Поселились терн и дрема
Там, где был и дом, и стол.*

*На руинах милой кущи,
Где рассыпался кирпич,
В тихий вечер вечносуший
Всех простил — себя опричь...*

1988 г., август.

СОДЕРЖАНИЕ

Непременное предисловие	3
Мой позывной — Арзамас	9
Живая земля	27
Самостоянье	35
Мемориальная изба, или Рассказ о том, как автор не попал на съезд колхозников	49
Вместо послесловия	59

Николай Андреевич БЫКОВ
МОЙ ПОЗЫВНОЙ — АРЗАМАС

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 1.08.88. Подписано к печати 22.09.88. А 11786.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсет-
ная печать. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,98. Учетно-изд. л. 4,15.
Тираж 150000 экз. Зак. № 2856. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

*БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ ПО ПЛАТЕЖАМ
НАСЕЛЕНИЯ*

Уважаемые товарищи!

● Учреждения Сберегательного банка СССР могут осуществлять по Вашему поручению безналичные расчеты по платежам за квартиру, коммунальные услуги, газ, электроэнергию, телефон, содержание детей в детских учреждениях и другим платежам путем списания этих сумм со счетов по вкладам. Такая форма расчетов с предприятиями, учреждениями и организациями по различным видам платежей освободит Вас от необходимости ежемесячного их внесения наличными деньгами.

● Безналичные расчеты производятся в разовом порядке или по длительному поручению вкладчика.

● Бланки для оформления таких поручений можно получить в любом учреждении Сберегательного банка СССР.

● Безналичные расчеты экономят Ваше личное время и являются наиболее удобной формой расчетов с организациями — получателями платежей.

Сберегательный банк СССР к Вашим услугам!